

Лена Тулинова
**Как укусить
вампира**

18+

Лена Тулинова

Как укусить вампира

«Автор»

2026

Тулинова Л.

Как укусить вампира / Л. Тулинова — «Автор», 2026

В конце 19 столетия в альтернативной Российской империи жил-был русский вампир Пьер Безруков. И невезучая Дина Зорина жила-была, да ещё с магическим даром. А по правилам того времени маг, да ещё и дворянин, вне зависимости от пола должен отслужить своё Отечеству. Вот по службе они и познакомились! Тем более, что вокруг творились очень интересные дела. Заговоры, интриги, вампиры, химеры, маги, алхимики и астрологи - всё будет запутанно и сложно. Но никакие сложности не сломят тех, кто решил не сдаваться и бороться до конца! 18+ из-за употребления алкоголя.

© Тулинова Л., 2026

© Автор, 2026

Лена Тулинова

Как укусить вампира

ГЛАВА 1. Пьер Безруков, 1830 год

Пол лекторской трибуны равномерно поскрипывал под правой ногой преподавателя-монстролога Цыбашева. Левой у него не было. Вместо скрипа слышалось равномерное постукивание.

Скрип – стук. Скрип – стук. Время от времени Цыбашев останавливался у кафедры и скрёб по ней ногтями: скырлы, скырлы. У лектора был скверный нрав, множество ранений и нервическое расстройство. Расстройство он получил, говорят, на гражданской службе, ранения добавились в военной кампании двенадцатого года, когда дошёл до самой Хранции. Что до характера, то с таким уж этот человек появился на свет.

– Вампир является существом высшего порядка, обладает разумом, но неспособен размножаться половым путём, – вещал Цыбашев. – Его не относят к инвазивным видам монстров, как, например, упырей, однако нельзя недооценивать ретивости некоторых особей...

– Позвольте вопросик, Натан Ростиславович? – подвизгивая от благоговения, подскочил на месте подлиза и ябеда Серж Карповский. – Что есть «инвазивный»?

– Кто-нибудь желает ответить? – недовольным голосом спросил Цыбашев. – Господин Безруков?

Курсист Безруков привстал и ответил тоном ровным и безразличным:

– Инвазивный означает «проникающий». В заражном смысле. Если речь об организме, то инвазия, к примеру, простейшими организмами, приводит к плохим последствиям. В плане живой природы инвазивный означает – вытесняющий собой иные виды, занимающий их место. Упыри, допустим, захватывают кладбища, творят новых упырей из свежих мертвецов, создавая целые упырины стада. Мелкая нежить в этих местах за недостаточей питания и укрытия вся вымирает сама собой. А упыри продолжают занимать всё новые погосты либо заброшенные жилища. Случается, что и целые деревеньки, если охотники вовремя не придут.

– Довольно, – прервал его Цыбашев. – Садитесь, Безруков. Спасибо. Итак, современный вампир. Кто он таков?

– Позвольте спросить, – снова подпрыгнул на месте Карповский. – А как так получилось, что не инвазивный вид стал так часто появляться в наших краях? Настолько часто, что мы, простые курсисты, слушаем лекцию о них! Это же не наша, не местная нежить.

– Точно так, господин Карповский. Не отечественная зверушка этот вампир, а Хэвропейская. Известно ведь: всякая пакость к нам если не из Хэвропы, так из Веспуччии попадает. Однако вы недооцениваете и местных умельцев, которые, будучи увлечены этакой диковиной, начали воспроизводить иностранную нежить так сказать, искусственным путём. Как известно, вампиры неспособны размножаться обычным человеческим способом, который, кхм, провёрен временем. Но! Скажите, господин Арсенин, вам настолько неинтересно? Куда вы там всё время смотрите?

– Интересно, господин Цыбашев, – торопливо ответил курсист Арсенин. – Вот век бы слушал и слушал. Потому как потом ведь придётся мне с этой пакостью, как вы изволили выразиться, сражаться. А смотрю я во внутренний двор, там как раз вампира ведут. Пасмурно нынче.

– Это не вампир, – не утруждая себя взглядом за окно, сказал Цыбашев. – Вампиры не выносят дневного света, даже рассеянного. Сразу ожоги, как были бы у вас, если бы вы сунули свои руки в костёр.

И, быстрым шагом подойдя к кафедре, преподаватель поскрёб ногтями по лакированной деревянной крышке. Скрылы, скрылы. За деревянный протез да за этот звук Пьер Безруков окрестил Цыбашева Липовой ногой – как медведя из одной, весьма страшной, сказки.

Скрылы, скрылы, липова нога, берёзова клюка...

Все по сёлам спят, по деревьям спят,

Одна баба не спит, на моей коже сидит,

Мою шерсть прядёт, моё мясо варит...

После лекции студентов ждала тренировка на плацу. Охотникам на нечисть требовалось отрабатывать и быстроту реакции, и силу, и ловкость. Всё сразу! Порой возникали споры, что важнее, но потом приходил суровый тренер и становилось понятно: главное всего не попадаться ему под горячую руку.

Нынче было по-весеннему зябко и весело. Солнце пригревало, а ветер задувал ледяной. Тела, разгорячённые разминкой, бегом, а после и фехтовальными поединками в стёганных колётах, не чувствовали холода. Однако наставник погнал подопечных переодеваться, не давая задержаться на плацу ни одной лишней секунды.

– Прохватит, и будете потом с такою же фигурой, как у батюшки нашего, Никодима, вопросительным знаком, – ворчал фехтовальщик. – Подите, подите, умойтесь да поскорее наденьте сухое, потом уже вопросы задавать будете.

Пьер наскоро вытер мокрую голову полотенцем, накинул суконный студенческий мундир на свежую рубашку. Хорошо! В раздевалке пахло потом, дублёной кожей, оружейной смазкой. Тут у многих при себе было оружие, в том числе и огнестрельное. Да и следующая тренировка по расписанию – стрельбы.

Однако сначала Пьер перемахнул массивный, но невысокий забор, чтобы оказаться прямоком перед проходящими мимо университета барышнями.

– Зинаида Анатольевна, несказанно счастлив видеть вас, – приподнял студент воображаемую шляпу, – Аделаида Анатольевна, доброго дня! Как поживаете? Маришенька, моё вам почтение!

– Ох, Петенька, – захлопала глазами самая шустрая и нарядная барышня, делая, однако, вид, что ничуть не поражена внезапным появлением Безрукова. – Это вы! А мы ждали вас не раньше, чем к вечеру, у маман...

– Зиночка, я непременно буду, – клятвенно заверил Пьер. – Но обязан был повидать вас чуть ранее.

– Зиночка, Адочка, мы возле университета, это не очень прилично, – компаньонка Мариша, что была и постарше, и повыше сестёр Лещинских, слегка присела перед молодым барином в книксене, впрочем, без особого почтения. – Пётр Николаевич, прошу извинить, но если желаете прогуляться с барышнями, держите себя в руках. Соблюдайте приличия! Да и вы, Зинаида Анатолиевна, хороши!

Это она сказала потому, что Пьеру, конечно же, было непросто удержаться и не поцеловать маленькую тёплую руку между рукавом и перчаткой. Ведь это была Зиночка Лещинская, которую нынче вечером он собирался назвать своей невестой. И Мариша, конечно же, понимала, что к чему! И реприманд она делала с милой улыбкой, от которой на щеках играли ямочки. Но Пьеру было не до ямочек Марины Стешиной, его внимание всецело поглощала Зиночка. Она была похожа на птичку, такая же лёгкая и яркая, с раздумывавшимся милым лицом, по форме напоминающим сердечко. Легкие прядки светло-русых волос выбились из-под тёплого капора и удивительно гармонично украшали Зиночкин образ. Пьер с удовольствием подумал о том, какой красивой они будут парой! Высокий, темноволосый, с яркими, но утонченными чертами лица, он оттенял бы её прелестную красоту...

После краткого общения с ней Безруков опоздал на стрельбы, получил выговор и промахнулся несколько раз по мишени. Средненько стрелявший Карповский поднял Пьера на смех, а безупречный стрелок Арсенин только снисходительно заявил:

– На дуэли вы были бы идеальным противником, Безруков. Вас легко застрелить.

Пьер не сразу нашёлся, что ответить. А когда придумал, над эпизодом уже посмеялись, да и забыли его.

Вечером того же дня на званом ужине в честь обручения в доме Лещинских было не протолкнуться от родни с обеих сторон. Однако больше всего Пьер оторопел при виде студента Алексея Арсенина.

– Алекс? А ты как здесь оказался? – удивлённо спросил Безруков, улучив момент, когда никто не суетился поблизости.

– Присматриваю себе невесту, – ответил Алексей равнодушно. – Что? Думаешь, только ты нынче в женихах засиделся? Вон мой отец, они с мсье Лещинским служили вместе. Старики будут счастливы до потери сознания, если Адочка или Лили...

– То есть тебе всё равно? – поразился Пьер.

– После того, как ты увёл старшую барышню, Зиночку, мне действительно всё равно, – с деланным безразличием сказал Арсенин.

Пьер нахмурился.

– Никогда не слышал от неё о тебе. И от тебя – о ней, – сказал он.

После этой беседы вечер нельзя было назвать удачным. Зиночка держалась напряжённо и как будто немного холодно по отношению к Пьеру, а между Безруковыми и Лещинскими всё никак не возникало приязни. Дядя, его супруга и двоюродные братья Пьера, родня со стороны отца, держались так, словно ожидали каких-то колкостей в свой адрес. Тётушка со стороны матери всё время утирала платочком скупые слёзки напоказ и часто вздыхала: ах, как рано ушла бедная Сонечка, как жаль, как жаль, сейчас бы она была счастлива. Пьер знал, что это делается исключительно на людях. В отличие от Вениамина Аристарховича Безрукова, воспитавшего племянника наравне со своими собственными детьми, тётушка Евдокия появлялась в жизни Пьера нечасто и всякий раз требовала мифических денег из состояния его родителей. И поливала сестру немалой порцией змеиного яда. Дескать, та была легкомысленной особой, не знала приличий, вела себя слишком раскованно, за что в итоге и поплатилась.

По мнению тётушки Евдокии, «бедная Сонечка» была неразборчива в связях, изменяла мужу и была им убита. Хотя обвинения с Николая Безрукова давно были сняты, тёте легче верилось во всякую гадость. И сейчас она с упоением всплакивала при каждом удобном случае, «производя впечатление», но при этом ловила всяческие сплетни на лету, чтобы потом рассказать таким же злоязычным подружкам и соседкам.

Со стороны невесты тоже не всё было гладко. Пока Зиночка наигрывала на рояле незамысловатую пьеску, рядом с нею столпились её бесчисленные кузены и кузины, так что Пьеру попросту не нашлось места возле музыкального инструмента. А подальше стояли такие же дядюшки и тётушки (и у отца, и у матери Зиночки было немало братьев и сестёр). Все эти немолодые дамы и кавалеры обсуждали Пьера так, словно его тут не было, и перебирали косточки отцу, матери, дяде...

Пьер честно старался не слушать. У него имелись в активе небольшой капитал, скромный дом в городе (который по настоянию дядиной жены сдавался внаём, чтобы обеспечить молодому барину постоянный, хоть и не самый великий, доход), молодость и приличное образование. К тому же после университета можно было рассчитывать на офицерский чин, службу в рядах Охотников – опасную, но почётную... И связи благодаря дяде у него тоже были. То есть Безруков считал себя хорошим женихом! И ни в коем случае не унывал – главное, что

отец Зиначки согласился на этот брак и что сама Зиначка питает к нему только самые нежные чувства. Да что там! Пьер был уверен, что любовь у них непременно взаимная.

Поглощённый этими мыслями, он отвлёкся от бестактных Зининых родственников и даже не заметил, когда закончилась пьеса. Длинной вереницей приглашённые потянулись пить чай, и Пьер потерял из виду свою прелестную невесту.

В столовой он её тоже не нашёл.

– А где Зиначка? – спросила маменька невесты. – Пьер, вы что, потеряли свою наречённую? А ну-ка идите, ищите её немедленно, а не то впадёте в немилость!

Она старалась звучать шутливо, и даже слегка шлёпнула Безрукова сложенным веером по руке, чтобы никто не воспринял угрозу всерьёз. Но Пьеру отчего-то стало неприятно и тревожно. Он и в самом деле пошёл искать Зиначку по незнакомому дому – и долго искать не пришлось.

Они стояли за бархатной портьерой в гостиной. Арсенин притиснул Зиначку к роялю. Под его дерзкой рукой девичья грудь в глубоком вырезе вечернего платья почти вынырнула наружу, а его губы так хищно впились в нежный девичий рот, словно негодяй был готов съесть свою жертву. Сначала Пьер чуть было не ринулся спасать невесту, но тут девушка вздохнула и пробормотала:

– Ещё! О, ещё! Пожалуйста, Алекс, сильнее!

И Арсенин принялся целовать её в губы и грудь, спускаясь всё ниже, пока Пьер не кашлянул.

– Что здесь происходит?

– А вот и женишок твой пожаловал, – с ядовитой усмешкой сказал Алекс и небрежно отбросил со лба приставшую прядь светлых волос. – Скажи ему, скажи то же, что и мне! Что ты его не любишь, а любишь только меня!

– Я люблю... я люблю вас обоих, и мне сложно выбрать, – потупившись и поправляя платье на груди, сказала Зиначка.

– Нет! Скажи то, что сказала мне сейчас! – вскричал Арсенин. – Ах ты маленькая дрянь!

Он был красен, растрёпан, шейный платок развязался и сполз с потной шеи. Голубые глаза как будто налились кровью – этак и до удара недалеко. Разрумянившаяся от запретных ласк Зиначка осторожно выскользнула из его объятий и бурно, напоказ разрыдалась:

– Прости меня, Петенька! Я сама не своя, а он... Так ловко воспользовался моментом, что мне ничего не оставалось, как уступить.

«И попросить ещё, ещё и ещё!» – мысленно сказал себе Пьер.

Он вытащил из кармана перчатку и произнёс:

– Мсье Алекс, вы подлец.

– Да, – радостно заявил Арсенин. – Я подлец! А ты, надо полагать, герой, Петенька Безруков, ты у нас молодец, успел раньше меня и сделал предложение единственной девушке в городе, которую я приметил для себя!

И, не успев Пьер бросить перчатку, как Алекс швырнул ему в лицо свою.

– Дуэль! – вскричал он так, точно давно этого ждал. – Вы, сударь, оскорбили меня и мою... Мою невесту.

Словно сегодняшняя шутка была неслучайна или же дала ему повод задуматься.

Зиначка закрыла лицо руками и восторженно пискнула:

– Из-за меня ещё никто не стрелялся.

Боже, какая же дурочка. Пьер посмотрел на барышню с жалостью.

– Мсье Арсенин, это я оскорблён и намерен вызвать вас на дуэль, – сказал он, сжимая кулаки.

– Вот как? А впрочем, какая разница, – криво усмехнулся Алекс. – Я оскорблён, вы оскорблены, задета честь барышни... Ваша честь задета, Зиначка?

– Я... Я не знаю, – пролепетала девушка, прижимая руки к груди. – Ах, как это волнующе, как это необычно!

– Я убью его и женюсь на тебе, – сказал Арсенин кровожадно. – Да?

– Мне страшно, – сказала Зина тоненьким голосом. – Можно мне ничего не решать?

И резво убежала прочь.

– Можешь просто забирать её себе, если тебе необходимо такое счастье, – сказал Пьер. – Какой же я дурак...

– Ну вот мы и определились, кто есть кто в этой пьесе, – самодовольно сказал Арсенин, приводя себя в порядок. – Маленькая дрянь, большой дурак и обаятельный негодяй. Не надейся увильнуть от дуэли, большой дурак.

ГЛАВА 2. Дина Зорина, 1890 год (60 лет спустя)

– Дина Владимировна, позвольте несколько слов для «Новостей Гипербореи»! – выкрикнул молодой человек самой неприятной наружности.

– Дина Владимировна, – взмахнув тараторили другие, – для еженедельника «Имперские сплетни»! Дина Владимировна, «Вечерняя магия», специально для читателей-магов, прошу осветить... Пару слов от представительницы магического приказа! Дина Владимировна! Госпожа Зорина!

Она еле вырвалась из этого круга. При этом только чудом не разбила фотографический аппарат, попавшийся на пути. Фотокорреспондент едва успел податься в сторону вместе со своей конструкцией. Тренога, на которую был водружён аппарат, пошатнулась, уже горящая проволока затрещала. Но заряд вспышки был потрачен зря: Дина уже убежала прочь.

Ей хотелось поскорее добраться до фургона, где ждали коллеги из магического приказа. Дело, о котором сейчас восторженно кричали журналисты, по мнению пристава Зориной, могло ей дорого стоить! Сегодня она в числе целого отряда приставов сопровождала в губернский инквизиторский суд трёх ведьм из Прутково. В зале суда (какое счастье, что заседание не было публичным!) стоящая возле клетки с ведьмами Дина заметила, что одна из подсудимых ухитрилась избавиться от антимагических кандалов. Дальше всё было быстро. Освободившаяся ведьма сдёнула с шеи бечеву с деревянным крестом, просунула руки между прутьями решётки и хлёстко, резко атаковала двух приставов, что стояли прямо перед клетью. Атаковала чистой силой, без лишних слов и пассов, то есть действовала как смертница.

Две другие принялись скакать по клетке, гремя цепями, и выкрикивать бесполезные в их положении проклятия. Тем не менее это выглядело жутко. И стоило ли осуждать пристава Зорину, которая среагировала быстрее своего напарника, которого не задело ударом ведьмы, и открыла огонь?

Она себя осуждала, и этого было достаточно. Могла бы чуточку подумать головой и не хвататься за шестизарядную новенькую «Забаву», рискуя подстрелить кого-то из своих или инквизиторских. Опустить на клеть магопоглощающий полог, врубить на полную силу щит... Хотя нет, чтобы активировать щит, встроенный в барьер вокруг клетки, необходимо было дотянуться до рубильника, а возле него стояли те, которых снесло чистой силой. Да и не было у Дины ни секунды, чтобы подумать. Только те полсекунды, за которые она выхватила пистолет из открытой кобуры.

Но какова ведьма! Смертница, решившая нагадить напоследок! Понятно было, что такой выброс, да ещё сквозь прутья решётки, которые, на минуточку, были из того же антимагического сплава, не оставит ей шансов на выживание... Что это было?

Дина не знала. Досадовала лишь, что не сообразила ничего и начала палить почём зря. Других приставов, тяжело зашибленных, повезли в больницу, а Зорина поплелась к своим, собиравшимся ехать в приказ.

– Что это было, Зорина? – отрывисто спросил сидевший в фургоне советник Майский.
– Что это было, я тебя спрашиваю, пристав? Что за цирк с конями ты мне там устроила?! Опозорила наш отряд на весь Лучезарск!

– Господин советник, я... – перед начальством Дина обычно не пасовала, но тут чувство вины и так уже проклюнулось, а при строгом тоне и вовсе раскинуло ветви во все стороны. – Прошу извинить. Я не успела подумать.

– А не подумавши, враз надо стрелять, да, Зорина? Головушка тебе для чего нужна, кудряшки носить? Шпильки в причёску втыкать? Или, может, шляпки красивые показывать, а?!

Это было обидно. Если есть волосы, то нужны и причёски. И шпильки, и шляпки тоже, куда деваться? Вообще из-за внешности Дину уже второй год на службе шпыняли, но далеко не так, как это было в начале её карьеры в магическом приказе.

Тогда она пришла после академии, свеженькая, как яблочко в августе, и вызывала у мужчин-сослуживцев только дурацкие улыбки. В присутствии красивой молодой барышни в форменной блузе с галстучком и длинной юбке они все сразу глупели и наперебой торопились наговорить комплиментов. А получив от ворот поворот, почему-то объявляли глупой Дину! Ух, она и злилась на такое!

Но сейчас даже слова про шляпки да кудряшки не могли сделать хуже, чем уже было.

– Виновата, ваше благородие, – сказала Дина, выслушав долгую речь в том же духе. – Больше не повторится.

– Точно не повторится, – заявил советник. – Ты выходишь патрулировать улицы. Завтра же. Хватит с тебя.

– Но меня и так уже понизили до сопровождающего, – не выдержала Зорина. – Куда ещё-то? В патруль...

– И самое тебе там место, – рявкнул Майский. – Самое место! Реакция есть, стреляешь отлично, мозги всё равно не особо работают! Вот и будешь в магическом патруле по городу бегать, упырей ловить и штрафы ведьмам раздавать! И не зыркай, не зыркай на меня. Знала, куда шла!

– В следователи шла, – насупилась Дина. – А не в городовые.

– Ну, не плачь, девочка, магический патруль это не то, что простые городовые, – попытался утешить здоровяк Прохоров.

– Я вам не «девочка», сударь! – вскипела и без того скандализованная Зорина. – Я вам пристав инквизиторского суда в магической управе, и...

– Уже нет. Ты просто ты магический городской, Зорина, или, как в народе сокращают – маггор, – сказал Майский брюзгливо. – Распоряжение о выдаче тебе новой формы и знаков отличия получишь завтра.

– Разрешите идти, – хмуро бросила Дина.

– Куда? С фургона на ходу сиганёшь? А ну как под колёса подводы угодишь? – сказал Майский уже чуть теплее. – Сиди уж. Всё равно по пути ведь.

Это правда. Квартиру Зорина снимала почти возле самого участка. Правда, теперь настало время задуматься о том, что её придётся освободить. Жалованье и так уже урезали, а у обычного городского и вовсе слёзы, а не жалованье, хорошо, если на приличную смазку для сапог хватит.

Отделение городской полиции не встретило Зорину с распростёртыми объятиями. На неё таращились. Маги в патрулях ещё как требовались, да и толковые боевые ребята тоже. Но магический приказ если и посылал в патрули способных магов, так это были дюжие парни. А тут фитюлька фитюлькой, даром что в кителе.

Опять же, юбкой мостовую метёт, идёт как по ниточке ступает, а глаза-то, глаза цвета пасмурного неба разве что молнии не мечут.

– Непростая штучка, – сказал один из городских другому. – За что ж такую барышню, да к нам сослали? У нас тут и компаньонка для неё не сыщется.

– Разве что Катерина, – хмыкнул его товарищ.

– Ну, Катерина, – протянул первый. – Катерина бой-баба, да и потом – разве высунется она из своей каптёрки?

– Женщина с женщиной завсегда общий язык найдёт, – уверенно сказал второй городской.

И смутился, когда новенькая нашла его взглядом, смерила сверху вниз, изучила и тут же прошла мимо.

– И какой вывод? – спросил он девушке в спину, ухмыляясь больше от неловкости, чем от развязности.

– Простите? – обернулась барышня.

– Какой вывод, говорю, сделали, сударыня? Подходим вам или как?

– Смотря для чего, – отрезала новенькая. – Для битья точно подходите, а как напарники – ещё поглядим.

Тут выглянул начальник отделения из своего закута, гордо называемого кабинетом, и оглядел новенькую с ног до головы и обратно с головы для ног.

– Добрый день, барышня, – сказал он, – однако это что-то новое. Я жаловался, что доходят в последнее время в патруль присылают, а тут и вовсе девицу...

– Эта девица вчера с трёх ведьм тремя выстрелами уложила, – сообщил кто-то сведущий.

– То-то и оно, что выстрелами, стрелять у нас тут всякий может. Нам в патрули маги нужны, – крикнул начальник.

– Так я и есть маг, Дина Владимировна Зорина, – девушка приложила руку в белой перчатке к козырьку фуражки. – Не сомневайтесь, я многому обучена. Не только стрелять.

– Ну, будешь плохо себя вести – отправлю обратно, только и всего, – ворчливо сказал начальник, пряча за усами улыбку.

Дина Зорина улыбнулась открыто.

– Идёт, – сказала она.

– Принята, – сказал начальник, – иди со всеми знакомься, вон, Никишкин и Сычёв тебе всё покажут. Да, Сычёв и Никишкин?

И два городских, что обсуждали барышню, вытянулись во фрунт и гаркнули:

– Рады стараться, ваше благородие!

Казалось бы, что проще – быть магом-городовым. Маггором, как лихо сокращали, лишая два слова смысла и сути, но при этом оставляя шанс быстро позвать на помощь. Что проще! Не надо вести расследование, устраивать погони с перестрелками, сопровождать арестантов до суда и конвоировать приговоренных к месту заключения либо казни.

Ходи себе по городу Лучезарску, скрипя ремнями да сапогами, солидно демонстрируй номерную бляху на груди, поправляй фуражку с таким видом, словно на голове корона. Ходи, строго всем выговаривай да штрафы выписывай! Тут ведьмам ходить не положено, там – выпивать в компании с честными людьми запрещено. Ещё можно в свисток свистеть. А если какая магическая канитель приключится – тут же хватай бляху и связывайся с начальством, чтобы кого-нибудь из магприказа прислали, а уж потом разбирайся.

Ничего же сложного.

Дина в первый же ночной патруль вышла с полным подсумком патронов, даже бутерброд не влез. А оказалось – надо просто ходить и поглядывать, поглядывать и ходить. К утру ноги в сапогах устали, отсырели – весна была ещё ранняя, студёная, как вода в каналах. Да ещё обычные городовые, с кем пришлось делить патруль! Они, как назло, пытались вести светские беседы.

Не затем Дина в своё время покинула дом и чуть не напоролась на бабкино проклятие за то, что не вышла замуж, как ей было велено, чтобы слушать ночами скучные разговоры о погоде, балах и званых вечерах! Ей этого в прежней жизни хватало. А сейчас уж лучше заунывный вой на погосте услышать было, чем рассуждения о том, чего эти парни даже толком и не знали.

Ну какие, в самом деле, у них там могли быть вечера и балы? Эти ребята были, конечно, не деревенщины, но и не из аристократических семей. Иначе начали бы службу с готовым офицерским званием, а не бродили бы по улицам простыми рядовыми.

Увы, задирать нос Дина не имела никакого права. Поэтому просто кисло кивала что на рассказы, что на расспросы.

– Тихо, – сказал вдруг Сычёв – невысокий крепыш с короткой шеей и замечательно оттопыренными ушами.

Вот ими, видимо, и уловил что-то подозрительное.

– Вот оттуда звуки жуткие несутся, – сказал Сычёв, хватаясь за крепкую дубинку, висевшую на поясе. – Пойдём, Зорина, проверим.

– Куры несутся, Сычёв, а звуки – доносятся, – снисходительно поправил товарища Никишкин. – А барышню ты в тёмный угол просто так не заманишь, тут нужно что-нить особенное. Магическое!

И прищёлкнул языком для солидности.

На этот тихий звук темнота в проулке неожиданно ответила целой россыпью чем-то похожих щелчков. И правда жутковато!

– Отойдите, – сказала Дина. – Это химера.

– Ух ты, – сказал Сычёв. – Давно их не встречал. Считай, с той поры, как предыдущий маг от нас ушёл.

– Ну да, так он сам от скуки ту химеру и запустил, – ухмыльнулся Никишкин. – Ты, Зорина, не бойсь, мы тебя сзади прикроем.

– Отойдите и не мешайте, – шикнула Дина и скользнула из-под света фонарей к каменной стене дома.

Окна тут были высоко, только справа темнела обширная витрина – кажется, магазина готового мужского платья.

Так, по стеночке, потихоньку, Дина подошла к проулку и осторожно заглянула за угол, подсветив магическим фонариком, который загорелся по щелчку пальцев. Химера была некрупная, на неё израсходовали невесть что: собаку, рыбу, птицу какую-то, в общем то, что было под рукой у незадачливого мага. Что он хотел сказать миру, создав этакую тварь?

Да скорее всего, ничего не хотел, тренировался, поди.

– Ну, иди сюда, что ли, – поманила чудо-юдо Дина.

Химера, как последняя дворняжка, завилыла задом. Затрещала чешуя, стал понятен источник звука: на цоканье языка зверюга ответила вздыбленным загравком, но рыба броне – отнюдь не шерсть.

– Иди, иди, жучка, – Дина похлопала по бедру, шерстяная юбка слабо шурхнула под ладонью. – Хочешь колбаски? Сычёв, вы всю ночь бутерброды ели, осталось что-нибудь?

– Не для того я себе последний бутерброд заныкал, чтобы ты, Зорина, его съела, – огорчился Сычёв.

– Давайте, это не для меня, это для тварюшки. Поймаем, покажу, как её без магии можно обезвредить.

Городовой вздохнул и полез в сумку на боку. Там, завёрнутый в кусок холстинки, у него хранился ломоть хлеба с салом. Мясные прожилочки, чесночок, прилипшие к краешку крупинки соли! Жалко было расставаться с таким-то добром!

– Пирожок с ливером потом купите, и в расчёте, – ворчливо сказал Сычёв, протягивая девушке сало, и тут химера прыгнула.

Рука с куском сала исчезла в огромной клыкастой пасти. Загнутые, острые, будто у щуки, зубы сомкнулись на запястье мужчины и тот заорал, тряся рукой.

– Ааа! Клятая химера! Она мне сейчас руку отхватит!

– Враз не отхватит, у неё пасть мелковата, – сказала Зорина. – Не дёргайтесь же! Я сейчас её сниму!

– Да,ними, Зорина, Христом-богом, – зарыдал Сычёв.

Дина подошла к химере со спины, положила руку на затылок, пальцы в белой перчатке нащупали там ямку. В неё неизвестный Зориной маг вложил «зерно истины», оно и держало части животных вместе. Выдернув с корнем, с кровью твердоватую, упругую горошинку, Дина раздавила её ногой. После этого разжать челюсти химеры было уже несложно. Да и сама тварь постепенно разваливалась на куски. От них пованивало, и Дина не завидовала здешним дворникам.

– Она не заразная? – заботливо спросил Никишкин.

– Нет. Но кровь может приманить ещё кого-нибудь, – сказала Дина. – Впрочем, уже утро, заря занимается. Наш дозор окончен...

ГЛАВА 3. Пьер Безруков, 1830 год

– Следовательно, создавать таких противоестественных тварей незаконно, – закончил свою речь Вдовин. – Записали? Не-за-кон-но!

– Простите, можно вопрос? – поднял руку Арсенин.

Пьер поморщился. Голос однокурсника вдруг прозвучал так неприятно для ушей!

– Не далее, как вчера Натан Ростиславович на занятии по монстрологии рассказывал об опытах по созданию вампиров, но не говорил, что это незаконно, – продолжил Алекс.

– Разумеется, это незаконно. Трансфигурация живых созданий с целью сотворения условно-разумных и разумных существ строго запрещена алхимической доктриной, – Вдовин пожал узкими плечами. – Это настолько очевидно, что Цыбашев даже не подумал упомянуть. Зато теперь говорю я. Вы охотники на подобных существ, и хотя в ваших телах достаточно магии, чтобы совершить трансформацию любого порядка, я всячески предостерегаю вас от сотворения любых живых существ. Вообще любых, не только условно-разумных и разумных.

– То есть? Ведь химер создавать вполне законно, и они могут служить на пользу охотникам, – сказал Серж Карповский.

– Химер, которые не обладают свободой воли, химер, не владеющих человеческой речью, – сказал Вдовин. – Но никак не разумных.

– А если крепостного какого? У маменьки в хозяйстве был один убогий – его и разумным трудно назвать, и немтырь совсем, – лениво спросил барчук Даниил Чеглоков. – А уж о свободе воли там и говорить смешно.

Преподаватель побледнел и вытянулся. Стало видно, как на его высоком лбу проступила жилка.

– Вы, господин Чеглоков, подумали бы сначала, прежде чем ляпать, – сказал он. – Крестьянин, хоть и неграмотный человек и даже, быть может, не в своём уме – он всё-таки живая душа. И по сути своей отличается от вас только тем фактом, что родился не от ваших родителей, а от более несчастных и обделённых. Ваша маменька столь милосердна, что содержит этого человека, а вы... Вы думаете, что вправе распоряжаться его телом и душой при занятиях трансфигурацией? Вот! Вот об этом я и толкую, господа студенты! Запомните: это незаконно даже в том случае, если вы считаете, что жизнь человека всецело принадлежит вам.

Арсенин переглянулся с Карповским. Заметивший это Пьер слегка нахмурился: почему, что? Неужели тоже решили какой-нибудь опыт проверить? С них станется, с душегубов. За

Безруковым после смерти отца не осталось ни имения, ни крепостных – ничего, кроме особняка. Разве что старенький лакей перешёл к дядюшке в людскую, помощником по дому. И сейчас Пьер почему-то был такому обстоятельству весьма рад.

Но тут ещё пришло на ум кое-что из вчерашнего дня, про то, что Цыбашев сказал. Что вампиров пытались делать искусственно. И тоже незаконно. А их из кого пытались сотворить? Вампиры нередко оказывались как раз-таки весьма образованными и грамотными, этакая голубая кровь и слоновая кость... Во время войны понятно было, как они могли появиться даже искусственно, а вот сейчас, в современном Пьеру мире?

Тоже ведь противозаконно, но кто-то этим занимается.

Пьер порадовался, что не пошёл на иную специальность, решил стать охотником, а не учёным. Иначе пришлось бы каждый божий день размышлять над какой-нибудь этической задачей, а хотелось действовать, биться, продвигаться вперёд не опасаясь крюкотворства и бюрократии.

Какая у охотников на нечисть там бюрократия? Да почитай, что никакой. Иди и делай. Лови, избавляй город от страшных тварей. Там разберёшься, когда уложишь или хотя бы обезвредишь: от природы оно такое или сотворённое в приступе безумия каким-нибудь магом.

И магию охотники используют простую да понятную! Магия как инструмент или оружие: поддержать, связать, обездвижить, лишить жизни... Ну, или её подобия.

Вот бы встретиться с вампиром в бою и узнать, что почём! Понять, чего ты стоишь в схватке, насколько ты стал быстрым и ловким благодаря тренировкам, умным и сообразительным – благодаря вот таким лекциям!

А крюкотворства не надо...

– Господин Безруков, надеюсь, вы задумались, а не спите с открытыми глазами, – кашлянув, сказал Вдовин. – Скажите, химеры какого класса могут быть подспорьем для охотника?

– По мне – никакого, – ответил Пьер искренне. – Уж лучше тогда собаку хорошо обученную взять. Хотя случись что с такой собакой – жалко будет.

– А как по мне, хорошо бы взять нетопыря да кошку с собакой, или можно какую-нибудь гусыню – и сделать тварь летучую, цепкую, кусачую, выносливую и плавучую. Но главное чтоб нюхастую, – предложил кто-то из студентов.

– Негоже таким увлекаться, – сказал Безруков. – Не стоит пачкаться. Если есть цель – нечистых тварей бить, то зачем самому их создавать?

– Ну да, ты-то чистая тварь, – пробормотал Арсенин якобы себе под нос, про себя – но на самом деле так, чтобы слышали все.

На дуэль ранним субботним утром Пьер ехал, как на казнь. Экипаж мягко покачивался, но это не успокаивало. Секунданты, однокурсник и двоюродный брат, помалкивали. Они вчера вечером долго отговаривали Безрукова, не понимая, для чего рисковать из-за какой-то, как высказался кузен, «недалёкой самочки». Но ведь дело-то было отнюдь не в Зинаиде! Честь Пьера была задета, самолюбие ранено так, что больно дышать. Любое напоминание бредило эту рану. Как можно было позволить Арсенину праздновать победу?

Между тем, спроси его кто-нибудь, чем именно он так задет – Пьер вряд ли ответил бы. Возможно, самым существованием на свете обаятельных негодяев и маленьких дряней, или как там выразился Алекс.

А вот и место дуэли, за бывшим Арсенальным приказом, как раз там, где заканчивался глухой кирпичный забор и неприметная калитка выходила на смотровую площадку. Отсюда открывался отличный вид и на широкую реку Ольжу, сейчас такую тёмную, в серомраморном наряде. Памятная стела на том берегу – как воздетый к небу меч. Облака – как меха, которым никак не согреть озябший от мартовского ветра город.

Алексей Арсенин, Серж Карповский и ещё один секундант, имя которого Пьер запомнил, уже ожидали у каменного парапета.

– Наконец-то, – процедил Арсенин, – я уж думал, ты труса празднуешь. К барьеру, неудачник!

– И всё-таки я бы предпочёл, если бы дуэль была магической, – мечтательно сказал кузен, Дмитрий Безруков.

Пьер одёрнул двоюродного брата: не время оспаривать условия, всё это следовало обсудить ранее.

– Менять оружие? Нетушки, – насмешливо сказал Алекс. – К тому же всем известно, что Безруков – говорящая фамилия. Стрелок из него аховый!

Сложно было не вестись на его оскорбления, и Пьер вёлся. Внутри всё так и пылало: от обиды, от унижения, от оскорблённого достоинства. Тем более, что в прошлый раз он, конечно же, плохо показал себя на стрельбище вовсе не из-за неумения стрелять. А сейчас уж он Арсенину покажет!

Они разошлись, повернулись лицом друг к другу и выстрелили почти одновременно. Пьер точно видел, что попал, он видел, как белая рубашка заалела на теле недруга, но в глазах стремительно темнело. Отчего-то стало тяжёлым тело, голова так и вовсе как пушечное ядро сделалась, такой большой, увесистой, неповоротливой. Безруков не ощущал боли – только тяжесть. Она придавила его к земле, и тут же он услышал:

– Давай сюда колбу, Карповский. Ну же, быстрее!

– Господа, в чём дело? – голос Дмитрия зазвенел от волнения.

– Разберись с ними, Головинцев, – буркнул Арсенин.

Затем звуки сделались неясными, слова неразборчивыми, а потом и вовсе на какое-то время пропали. Вместе с тяжестью. Необыкновенная лёгкость появилась во всём теле, и Пьер обрадовался: спасение, близко спасение! Ему даже на мгновение показалось, будто он видит далёкий свет. Однако эти прелестные ощущения были грубо оборваны ледяным голосом во тьме:

– Отныне ты будешь жить во тьме, пить человеческую кровь и служить роду Арсениных! Встань и иди.

Это напоминало окончание какого-то нелепого ритуала.

Что за глупости? Пьер уже хотел сказать это вслух – глупости и вообще чепуха, как он может встать, если его ранили? Но вдруг встал, и открыл глаза, и закричал, схватившись за лицо. Его жгло, будто огнём. И не только лицо, но и руки, да и всё тело чувствовало себя как на раскалённой сковородке!

– Об этом мы не подумали, – озабоченно сказал Серж, накидывая на Пьера плащ, покрывший его с головой.

– Подумаешь, – небрежно сказал Арсенин. – Затолкай его в карету.

Пьер не мог даже оглядеться, суконный плащ закрывал лицо. Но усилием воли взял себя в руки и спросил:

– Что с моими людьми?

– Да в порядке твои люди, – Арсенин, похоже, и не думал теряться или о чём-либо переживать. – Придут в себя.

– Ты подлец, – бессильно сказал Пьер. – Что ты сделал?

– А ты не догадался? Я по дороге объясню, – сказал Алекс.

В карете он, судя по звукам, опустил занавески на окнах и спросил:

– Ну как? Можешь выглянуть?

ГЛАВА 4. Дина Зорина

Рука Сычёва распухла вдвое, сукровица проступала сквозь толстый слой бинтов и рукав рубахи. Однобортный темно-серый кафтан лежал на стуле, а сам городской стоял и демонстрировал всем желающим своё боевое ранение.

– А Зорина говорила – тварь не заразная! – ныл городской. – Придётся теперь к врачу идти.

– А ты ещё не сходил? – ахнул кто-то из сочувствующих. – Это же дело серьёзное! Да и потом, за ранение полагается повышение, медаль...

– Это за пулевое, а тут не пойми кто тыкнул, – с трудом шевеля пальцами, досадливо сказал Сычёв и посмотрел на Зорину.

Она сделала вид, что взгляда не заметила. В её углу, где стояли стол, стул и ширма, было почти уютно, только из окна поддувало. Впрочем, ветер сегодня вечером был тёплый и пах молодой зеленью. А ещё наспех смоченной быстрым дождём пылью. И чем-то сладковатым – весенним. Может быть, уже начали где-нибудь яблони или вишни цвести?

– Через полчаса выходим, – напомнил аккуратист Никишкин, посмотрев на большие стенные часы с маятником. – Ты как, Сыч?

– А никак, – сказал Сычёв. – У меня жар и воспаление. Да-с! Воспаление!

– Давай посмотрю, – смилостивилась Дина.

– Ты боевой маг и монстролог, – сказал Никишкин, – а не лекарь. Твое дело химеру рушить, вампира гробить или оборотня серебряной стрелой стрелить. А руки постовым лечить ты не можешь, нет у тебя полномочий.

– Я училась не только тому, как монстров рушить, – ответила Зорина с обидой. – В академии много что проходят. Давай свою руку.

Заражение от укуса химеры было серьёзное, зря Сычёв с утра не расстарался как следует рану промыть и прижечь, да смазать чем-нибудь. И правда «воспаление-с», что ж ты будешь делать.

– Терпи, – предупредила Дина и чиркнула пальцем о столешницу.

Сычёв напрягся, увидев, как от этого жеста на кончике Дининого пальца загорелось голубоватое, почти прозрачное пламя, будто от газовой горелки. Даже носом повёл.

– Не-не-не, – сказал он. – Ты лучше... Я лучше к доктору!

– Да не бойся, это почти не больно, – голосом самого лучшего на свете пытошных дел мастера сказала Зорина. – Совсем-совсем, то есть практически... Ну, как будто комарик укусит!

Городовой запаниковал, и пришлось его немного сковать заклинанием, чтобы не дёрнулся. Дина прочертила над рваной раной несколько кругов и треугольников один за другим, и Сычёв удивлённо сказал:

– Больно. Но терпимо.

– Сиди, – приказала Дина. – Сейчас вытяну...

Голубоватое пламя затрещало, потемнело, стало рыжим. Потянуло дымом и горелым жиром.

– Ыыы, – безнадежно и тоскливо тянул на одной ноте Сычёв, глядя на это действо.

Но уже через полминуты всё кончилось.

Рана осталась на месте. Но опухоль заметно спала, покраснение прошло и сукровица со следами гноя сочиться перестала.

– Куда, – рявкнула Дина, видя, что городской собрался перевязать рану грязным бинтом.

– Там же зараза всякая, опять занесёшь! Чистым перевяжи.

– Так нету, – развёл руками Сычёв. – О! Оцепенение прошло.

– Потому что я отпустила. Ладно, иди добывай свежую перевязку, в каптёрке наверняка есть что-нибудь, а мы к старшему городскому с Никишкиным. Отпросим тебя.

Зорина вздохнула, вставая, но Сычёв остался на месте.

– Давай лучше мы с Никишкиным отпросим меня у старшего, а ты сходишь к ней. Катерина, она... строгонькая очень, – усатое лицо городского даже осунулось, так он, очевидно, боялся эту Катерину.

Да кто ж она такая? Ещё вчера надо было свести знакомство, да Зорина не успела.

Щель под дверью каптёрки не светилась. Никого? На всякий случай Дина дёрнула за ручку. Дверь охотно подалась – отворилась без скрипа и затруднения.

– Есть кто? – спросила Зорина, и тут же услышала характерный щелчок.

– Стоять. Кто такая? – раздался низкий и хриплый, но всё-таки женский голос.

– Так я это... городской маг, Зорина Дина, – сказала девушка, прижимаясь спиной к дверному косяку. – Прощения прошу, если напугала, мне просто бинты нужны. Извините, не знаю, как по отчеству или по званию...

– Господи боже мой, – скороговоркой проговорила женщина. – Какие ещё бинты на ночь глядя? Катерина я, Ветошникова Екатерина Макаровна. Кастелянша, без роду-племени, звания и регалий. Ещё вопросы будут?

– Екатерина Макаровна, а можно зажечь свет?

– Это ещё зачем? Вот бинты, вот йод, вот мазь.

Шурхнуло, стукнуло – в темноте каптёрки таинственная Катерина явно ориентировалась на славу. Дина вгляделась, привыкая к тьме, и увидела силуэт. Женщина явно была крупная, высокая. Смиловилась – покрутила вентиль, зажгла газовый светильник на стене. Проморгавшись, Дина взяла с высокой конторки баночку тёмной, будто дёготь, вонючей ихтиоловой мази, закрытой кусочком пергаментной бумаги и замотанной бечёвкой, а также пузырёк с йодом и смотанный в тугую рулон бинт.

– С-спасибо, – сказала Катерине, слегка приседая для того, чтобы показать той своё уважение. – Очень выручили, Катерина Макаровна.

– Ты новенькая, что ли? – спросила Катерина. – Которую вчера прислали?

– Сослали, – вырвалось у Дины.

Обида была ещё достаточно свежа.

– Не горюй, – сказала кастелянша. – Здесь неплохо. Обживёшься.

– Я здесь, кажется, не на своём месте, – сказала Зорина.

– Э, ты ещё недели у нас не отслужила, а уже вон чего, – усмехнулась женщина.

Дина старалась не слишком открыто глазеть, а так, поглядывала. У Катерины было широкое, плоское лицо с раскосыми светлыми глазами, светлые волосы, почти белые короткие ресницы. Чухонка? Очень даже может быть! Интересно, как это её взяли сюда, да ещё на такую должность, практически каптенармус. Тут выдавали и обмундирование, и вооружение – всё, что требовалось. Простую бабу с улицы не позвали бы.

– Любопытно тебе? – усмехнувшись, спросила Катерина, хотя Дина не задала ещё все эти вопросы. – Хочешь, расскажу?

Но тут Зорину окликнули с другого конца коридора, и девушка сказала:

– Обязательно расскажите! Хотите, я завтра приду – чаю попью? И поговорим.

Кажется, Катерина удивилась, но не сильно.

– А давай, – сказала она. – Вижу, и тебе хочется выговориться.

Подхватив поудобнее свою ношу, девушка поспешила к напарникам.

– Отпросился, – сообщил Сычёв, бережно держа не замотанную руку на весу.

– Сам забинтуешь? – спросила Дина, передавая ему добычу.

– Так точно, – ответил городской. – Это мы умеем.

Когда она с Никишкиным шла в ночной дозор, в дежурке явственно прозвучало:

– Плохое начало. С первого же дня ранение... Примета плохая! Как бы смерть следом не увязалась!

– Тьфу ты, – сплюнул Никишкин. – Что ты опять каркаешь там, Ворона?

– На то я и ворона, – ответил дежурный.

– Лучше бы ты Голубем звался, птицей мира, – ворчливо заметил городской. – Никаких плохих примет! Сегодня всё будет хорошо! Да, Зорина?

Конечно, Зорина сказала «да». Что ещё она могла сказать?

Поздний весенний вечер был тих и потому тревожен. Нигде ни ветерка, ни шороха, ни голосов. Поневоле начинаешь тише ступать и ждать подвоха.

Вот вдалеке какой-то шум – что это? Всего лишь пролётка, цокот лошадиных копыт и негромкое тарыхтение колёс по мостовой.

– А ты из тех самых Зориных, Зорина? – вдруг спросил Никишкин.

– Шшш, – притворилась настороженной Дина – что было несложно в таких условиях. – Что там? Вон, за углом.

– Да коты дерутся, – с досадой сказал городской.

И правда, звук, только что казавшийся потусторонним, оказался всего лишь заунывным сигналом: «не подходи, злодей блохастый!» И ответом: «От блохастого слышу, корноухий дурак!»

– Так правда? Ты из богатейской семьи, про которую в газете писали? Про то, что дочка ихняя на балу имела успех и всякое такое...

– Никишкин, успех – это когда ты, скажем, подвиг совершишь или станешь генералом благодаря всяческим заслугам перед родиной. А на балу много труда не надо. Вы же с Сычёвым вчера так распылялись про балы, неужели чего-то про них ещё не знаете?

Городской почесал вихрастую голову под фуражкой, потом поправил головной убор и цыкнул:

– Вот ты заноза, Зорина! Мы же как лучше хотели, вели разговор про то, что тебе могло поندравиться. Для вас, аристократок, это разве не любо-дорого?

– Васенька, – проникновенно сказала Дина, – ну скажи мне, пожалуйста, вот если бы мне было любо-дорого на балах крутиться и кавалеров завлекать, пошла бы я в магическую управу? Да ещё с риском быть сосланной в самый обычный участок низшим чином в полиции? Я бы уже там, на балу, о котором ты толкуешь, подцепила себе какого-нибудь попугая в бальных туфлях и выскочила замуж. Чего лучше? Ходи, как витрина для бриллиантов и манекен для пышных платьев, и горя не знай.

– Ну, ежели так, то оно конечно, – ухмыльнулся в пшеничные усы Никишкин. – Но только о чём же тебе тогда приятно побеседовать?

– Я этот район плохо знаю, а где же мне найти лучшего проводника, чем хороший городской? – оживилась Дина. – Расскажи, где тут самые тёмные закоулки да самые страшные дворы. Церковь брошенная тут есть? А вдоль канала ночлежки бывают? Под мостом или в подворотнях кто-нибудь обитает?

– Из нечисти? – спросил Никишкин. – Да не то чтобы.

– Нет. Из людей. Тёмный народец, разбойнички-душегубы, грабители да щипачи.

– Этих в достатке. И женщины нехорошие тоже, уж извини за прямоту, тоже похаживают. Но ты-то ведь маггор, твоё дело отслеживать, где всякие твари бегают.

– Ты не поверишь, Васенька, но вот такие твари очень часто могут увязаться за человеческими отбросами. Кто будет допытываться, отчего умер какой-нибудь нищий или – как ты выразился – женщина нехорошая вдруг оказалась мёртвой.

– Свят-свят, давай не будем таких ужастей на ночь глядя обсуждать, примета плохая, – сказал Никишкин.

– Так ты же не веришь в приметы, – улыбнулась Дина.

– Я верю в то, что зло лучше не приваживать, – рассудительно ответил Никишкин.

Из проулка выскочили две взлохмаченные, всколоченные твари и с inferнальными воплями помчались куда-то прочь. И впрямь напоминали они котов повадками и криком, если бы только не одно «но». Были эти твари размером с русскую борзую, и такие же узкие, длинно-мордые, страшные.

– Раскудри ж твою осину, – заорал Никишкин, отшатываясь от проулка, – что это? Египетская напасть какая!

– Адские гончие, – сказала Дина. – В сторону, Вася. Дай мне место для маневра.

Городового дважды упрашивать было не надо, он шарахнулся в сторону, однако не потому что струсил. Никуда он не побежал, а расстегнул кобуру и схватился за казённый револьвер «Забава-2».

Серые гибкие твари, по виду – нечто среднее между собакой и кошкой, развернулись и перестали грызться между собой. На Никишкина они и не глядели, обе скалились на Дину. Будто узнали и улыбались ей. И в пастьях было зубов не считано, не меряно, а в глазах горел злобный огонь.

– Здравствуйте-до свидания, – выдохнула Дина.

В правилах маггора значилось: отметить нахождение твари и доложить куда следует, коснувшись бляхи городского. Сигнал поступит в магический приказ. Оттуда приедут и расправятся с чудовищем. То есть инструкции такие: позвать подкрепление и уходить, пока не поздно.

И бляхи Дина обязательно коснулась, но убежать не стала. Растянула между пальцами блестящую струнку-паутинку, одну, другую, третью, и когда обе твари одновременно кинулись, резко развела руки в стороны, раскинула на максимальную ширину, давая стрункам порваться и полететь прямо на гончих. Любое живое тело, встретившись с этими паутинками, просто остановилось бы, замерло на миг, а затем развернулось и дало бы дёру. Но нежить эти струнки просто разрезали на части.

Не понадобились ни выстрелы, ни подкрепление. Впрочем, второе всё равно появилось. Два относительно знакомых Дине мага оказались на месте за несколько секунд до того, как тела адских гончих истаяли на мостовой, покрывшейся пеплом от контакта с этой нечистью. Остывая, пепел почти моментально становился белым и разлетался мелкими хлопьями, похожими на снег.

– Некогда было вас ждать, – сказала Дина, улыбнувшись.

– А вы, барышня, как я посмотрю, норова не утратили, – сказал тот маг, что постарше.

– Я скорее умру, – призналась Зорина.

– Кстати об этом. Инквизиторские оба ещё не очнулись, и вполне могут отправиться на тот свет. По твоей, Зорина, вине, – сказал другой маг, помоложе.

Насколько Дина помнила, фамилия его была Бархатов.

– Да почему по моей-то? – не выдержала, закричала Дина в полный голос. – Почему по моей? Я, что ли, в них чистой силой лупила? Ведьма я, что ли, по-вашему?!

– Потому что женщинам среди магов не место. Твоё место – подальше от нас, – буркнул старший.

– И вообще от полиции. От тебя же одни неприятности, Зорина! – вторил ему младший.

– А ну-ка посторонись, маггор, – подвинул Дину Никишкин и, выпятив грудь, заложил большие пальцы за ремень, которым честь по чести был перехвачен его форменный кафтан. – Вы вот что, господа маги. Прошу осмотреть место происхождения и удостовериться, что больше никаких тварей по месту вызова. А мы с бары... с магом-городовым Зориной дальше пойдём. Патрулировать. У вас небось других дел нету, как девиц задирать? Ну так я вам такого не позволю. Она и так не среди вас, где ей действительно не место, раз вы её не цените, она среди нас.

– Поглядим, как ты заговоришь, когда с тобой тоже что-то приключится, – мрачно сказал Бархатов.

– Я как надо заговорю, не ваше дело, ваши благородия! Желаю доброй ночи. А нам – вдвойне доброй.

Маги ничего в ответ им не пожелали, но с места не ушли, стали осматривать, подсвечивая магическими свечами, которые нарочно сделали побольше и поярче, чтобы простой городской убедился в их могуществе. Ну да и пускай, Дина тоже могла бы кое-что показать из своих навыков, только зачем энергию зря переводить?

– Спасибо, Вася, – сказала девушка, когда они с Никишкиным отошли подальше. – Только больше так не заступайся за меня. Эти ещё терпеливые ребята, а бывают уж очень вспыльчивые, которым и закон не очень-то закон. Особенно те, у кого отцы и деды в магическом приказе давным-давно служат.

– У нас, ты знаешь, тоже свои ветераны есть и свои заступники, – туманно сказал Никишкин.

Ночь прошла относительно спокойно, по городу шныряли только крысы и подозрительные личности, но не всяческая нечисть. И хотя Вася Никишкин показал Дине некоторые «злачные места», в которых вполне могли водиться всякие-разные твари, собственно тварей там не нашлось.

Зорина даже немного жалела об этом. Хотелось проявить себя как опытный боец, а всё никак не появлялся подходящий случай. Ну хоть бы вылез из канала утопец или появился под мостом заморский гость – мостовой тролль! На помойке не нашлось ни одной, даже самой завалящей, трупожорки, и упыри не бродили по кладбищу или около него.

Чисто и тихо было нынче в Лучезарске. Конечно, патруль в составе Зориной и Никишкина сурово насвистел на незадачливого форточника, спугнув его и тем самым испортив замечательный экзерсис. И не менее устрашающе напарники шуганули ночных бабочек, обступивших какого-то загулявшего прохожего. Но что значат такие повседневные поступки, когда душа жаждет подвига?!

После двух ночей в патруле полагался отсыпной. Тем не менее Дину после обеда вызвали с нарочным – курьер-бегунок, запыхавшись, передал записку от начальства. Старший городской, сердито пытаясь трубкой, показал листок с составленной на маггора Зорину жалобой и спросил:

– Что это значит?

– Виновата, ваше высокоблагородие, – отчеканила Дина без тени смущения или вины.

– Что это значит, я тебя спрашиваю?

Она поглядела в бумагу и позволила себе слегка пожать плечами, после чего снова вытянулась и повторила, что виновата.

– Выучить должностные инструкции назубок. Завтра спрошу, – сказал старший городской. – Не хватало мне ещё перед начальником участка оправдываться. Пока скажу, что ты новенькая и с тебя спрос невелик. Но больше чтобы не нарушала. Сама на рожон лезть не имеешь права, если только маги попросят твоей помощи.

– Так точно, – сказала Дина. – Разрешите спросить?

– Спрашивай.

– Что, если на меня или напарника будет нападение?

– А, – лицо старшего просветлело. – Если нападение, вот как на Сычёва позавчера, то другое же дело. Но прошедшей-то ночью никто на вас не нападал?

– Ну как сказать...

– Никишкин что-то не докладывал ничего такого, – усомнился старший городской.

– Тогда вопросов больше нет. Позвольте идти.

– И не подставляйся больше, а то Майский из меня душу вынимет!

А, вот в чём дело. Это не рядовые маги жалобные бумаги пишут, это сам Майский старается! Вот же жук...

– Не позволим, ваше высокоблагородие, – сказала Дина.

– Иди.

Спать больше не хотелось, а делать было как-то особенно нечего. Дина прошлась по улицам, наслаждаясь солнечным тёплым светом и видом расцветающих деревьев, особенно в городском саду. Хорошо-то как было кругом, свежий воздух, светло, птицы поют! Дина купила газету у мальчишки возле входа в парк, села на лавочку, пробежалась глазами по заголовкам. Хотелось узнать, что нынче делается как в России, так и во всём остальном мире, но, кажется, помимо весны ничего нигде не происходило.

Хотя нет, вот: его императорское величество собирается переродиться в очередной раз, после чего будет именоваться Роман Девятый. После чего, скорее всего, будет искать себе новую царицу.

Династия Антоновых после того, как императрица Елена родила сыновей Василия и Ивана, умерших от оспы в тысяча семьсот шестнадцатом году, должна была пресечься. Однако Роман по-прежнему выглядел молодым, регулярно перерождался и не терял надежды обзавестись потомством.

На другой полосе официально признанное Общество Астрологов и Алхимиков даже опубликовало прогноз, каким царём будет Роман после перерождения. Выходило, что он станет более воинственным. Звёзды якобы указывают на реформы армии и вступление в конфликты с рядом хэвропейских стран. Прочие знаки, помимо звёзд, по мнению общества, были неблагоприятные. Астрологи и алхимики предупреждали о появлении различных аномалий, излишней активности религиозных сект и магических ковеннов, пришествии Трёх великих мертвецов и увеличении количества разного рода нежити.

Помимо этого, Общество Астрологов и Алхимиков сообщало, что императора на сей раз будет сильно интересовать искусство, особенно музыка и балет, из чего можно было сделать определённые выводы: невест он, скорее всего, будет искать с изящным сложением, небольшой грудью и длинными ногами...

О боже, неужели так в газете и написали? Дина перечитала и сама себе кивнула. Как это неприлично: упоминать женские ноги в таком ключе... Боже, боже, до чего ж интересно! И тут же рекламное объявление о продаже корсетов нового образца, а следом рубрика «Вестник моды» описывала невообразимые наряды, которые непременно, обязательно должна пошить к лету всякая уважающая себя барышня или дама...

Ещё в газете нашлась короткая заметка о загадочных преступлениях, после которых оставались почти полностью обескровленные тела, но это было совсем уж неправдоподобно.

Ну не вампиры же в Лучезарске завелись, в самом-то деле?

Дина так зачиталась, что и не заметила, как рядом на скамейке оказался никто иной, как действительный статский советник Майский.

– Чем обязана? – суховати спросила девушка, ещё не простившая магическому приказу ни своего перевода в городские, ни сегодняшней кляузы.

ГЛАВА 5. Пьер Безруков (1830)

В карете было практически совсем темно. При этом Пьер отлично видел своих мучителей. Они сидели напротив и разглядывали Безрукова, словно он был заморской диковинкой вроде ручной обезьяны чимпанзи, которую водили на цепочке по городу прошедшим летом.

– Что вы сделали? – спросил он, уже полностью осознавая произошедшее.

– Убили тебя и напоили кровью вампира. Было, знаешь ли, непросто раздобыть правильно законсервированный образец, да ещё к определённому времени, – гордо заявил Карповский.

– И не дёргайся, – с усмешкой предупредил Арсенин. – Ты не сможешь причинить вреда ни мне, ни кому-либо из моего окружения. Правда, это предусмотрительно с моей стороны?

– Истинная правда, потому что именно с тебя я бы и начал свой путь кровопийцы, – заявил Пьер. – Но зачем ты это сделал?

– Ты будешь повиноваться мне. А я собираюсь пользоваться тобой для тренировок. Буду лучшим охотником, – сказал Арсенин. – Не бойся, я не стану морить тебя голодом, к твоим услугам будут отборные холопки. Я всё отлично продумал, мон шер, не сомневайся.

– Мон шер, – иронично отметил Пьер и дёрнул уголком губ. – Что с моими секундантами?

– О, не бери в голову, с ними всё будет отлично, – неприятно засмеялся Карповский. – Я магнетизировал их – помнишь, в конце прошлого года нам рассказывали про месмеризм? Откопал старые заметки и освоил это искусство, надо сказать, несложное, но весьма в определённых случаях полезное.

– Жаль, оно не действует на вампиров, – ухмыльнулся Арсенин. – Но твои друзья проснутся как ни в чём не бывало и даже не вспомнят про дуэль. Никто не сможет обвинить нас в том, что мы сделали. Никто, кроме тебя, но я прикажу тебе молчать. Вот и всё.

– Но я...

– Ты никуда не делся, ты есть, – Карповский потянулся и похлопал Пьера по плечу, – а что ты внезапно стал вампиром – ну недоглядел, позволил какому-то упырю себя цапнуть, с кем не бывает? При чём тут мы? Это все Хэвропа, как говаривал нам Цыбашев. Это оттуда всякая пакость прёт! И даже, знаешь, Безруков, если тебя найдут – просто прикончат, а мы с Карповским, так и быть, поможем.

И оба негодяя рассмеялись. Они были крайне довольны собой, а Безрукову оставалось лишь беспомощно злиться. Этот бессильный, хоть и справедливый, гнев разрывал ему грудь. Странно... Тот же Цыбашев говорил ведь, что вампиры по сути своей мертвецы, они лишены эмоций, ничего не чувствуют.

Он – чувствовал. И с интересом потянул носом воздух, поняв, что дело не только в эмоциях, он чувствовал запах, чувствовал, как они дышат, как под их кожей течёт горячая кровь.

Должно быть, Пьер как-то переменился, потому что издевательские интонации в голосе Арсенина сменились на тревожные:

– И учти, что я для тебя неприкосновенен. А вот Сержа можешь и покусать немножко, если хочешь есть.

– Спасибо, я не настолько голоден, чтобы пить кровь таких подлецов, – Пьер отвернулся от обоих и даже натянул плащ обратно на голову.

Но жажда крови постепенно начинала донимать его. Чем больше Пьер осознавал неправимое, тем было хуже. Сидеть в каком-нибудь подвале у Арсенина, пользоваться подачками... Боже, нет – не просто подачками, это ведь будут живые люди, крепостные Арсенинской семьи! Где же выход?

Тут Пьер понял, что готов на самые отчаянные шаги. Он скинул плащ, резко швырнул его в лица своих мучителей и выпрыгнул из кареты, распахнув её дверцу так быстро, как сумел. Оказалось, что он может двигаться действительно очень быстро, вот только...

Кожу под дневным светом с него словно содрали – так было больно. О, Пьер не просто остался при своих чувствах, нет. Они обострились до предела, и в том числе – боль! Воя, как раненая собака, забыв о самообладании и чести, Пьер покатился по мостовой, а затем спасительные воды Ольжи приняли его в ледяные, тёмные объятия.

Он долго не мог понять, что происходит, пока река не вынесла его к железнодорожному мосту. Здесь течение было неторопливым, под мостом ещё не разошёлся как следует лёд, и, ломая хрупкие края льдин, Безруков сумел выбраться на берег. Забился в самую темень, слабый, но всё-таки живой. Ни вода, ни солнце, ни мартовский холод не убивали, только причиняли страдания. Тем не менее Пьер уже понял, в чём его отличие от обычного вампира и от

обычного человека, понял, что теперь не является ни тем, ни другим. И, трясаясь, скинул с себя одежду – последнюю человеческую оболочку. Дрожь постепенно сошла на нет, холод как будто отодвинулся в сторону и сидел рядом в тени моста. Так, почти без движения, Пьер Безруков дождался темноты, а после выбрался на берег. Первым, кто ему встретился, был загулявший пьяница.

Пьера так и толкнуло к нему, сидящему на камне у самой воды! Слабость, шатавшая его из стороны в сторону, почти сразу прошла, стоило только подумать о глотке горячей крови. Пьяница мутно посмотрел на Безрукова, стоявшего над ним, а затем невнятно сказал:

– Э, брат... Тебе ещё хуже моего! Раздели, поди, до последней нитки эти черти... да? Да?

– Что? – не понял Пьер, уже готовый перейти последнюю черту и опуститься на самое дно человеческого существования.

Впрочем, и не человеческого уже! Однако вот перед ним сидел человек, уже почти приговорённый – и сочувствовал... Кому? Голому, как новорожденный, вампиру, собиравшемуся пить его кровь!

– Возьми-ка вот, – пьяница скинул пальто. – Бери, бери, видишь – у меня под ним какая знатная поддёва, не замёрзну. Да и ночи уж тёплые. А ты без штанов даже... погоди, знаешь, что? Посиди тут, а я тебе подштанники-то уж раздобуду! И какую-никакую обувь тоже! Я знаю, где! Слышишь? Посиди, ага? Нешто я человека вот так, голого, брошу?

И, оставив Пьеру драповое пальто, гуляка, продолжая быстро-быстро и сбивчиво говорить, поспешил куда-то по Северной набережной. Безруков проводил его взглядом, полным удивления. Затем вернулся под мост, нашёл почти не просохшие за день брюки и сапоги, натянул их и так, полуодетый, побрёл куда глаза глядят.

Не стал ждать нового искушения, не будучи уверенным в том, что снова совладеет с собой. И только по пути к одному только дому в Лучезарске, где ему могли помочь, понял, что даже понятия не имеет – как будет пить кровь. Прокусывать шею? Это наверняка ведь неудобно. Пьер провёл языком по зубам, чтобы убедиться, что клыки там есть и они самые обычные, не длинные, как это рисуют в книгах.

В квартиру наставника Безруков попал через чёрный вход, дверь которого, по счастью, оказалась не заперта. То ли дворник забыл, то ли просто люди тут жили такие беспечные? Однако когда Пьер поднялся на один лестничный пролёт и остановился перед кухонной дверью – стало ясно, что дальше дороги всё равно нет.

Невидимая преграда мешала Пьеру сделать шаг за порог, хотя дверь и распахнулась. Он вспомнил строки из учебника и устало прислонился к стене возле открытого проёма. Вампир не может войти в дом без приглашения. Что ж, пришла пора проверить всё, что было написано про вампиров. Что там про осиновый кол и серебро, кресты и зеркала?

Преодолевая собственную слабость и тугую невидимую стену преграды, происхождение которой Безрукова не особенно интересовало, он постучал по дверному косяку. На стук выглянула кухарка, мелко несколько раз перекрестилась и запричитала на одной ноте:

– Барин! То упырина пришла страшнотная, кохтями, кохтями скребет, ой, барин-барин!

– Простите, – сказал Пьер, – я не хотел пугать. Мне... нужна помощь.

Даже сквозь эту преграду, не дающую войти, от кухарки пахло вкусно и сытно, и трудно было сохранять человеческий облик, не кидаться понапрасну на невидимую заслонку, не пускать слюну и не выть от голода. А хотелось. Это утром он был не такой голодный, а теперь...

– Простите, – повторил он.

Цыбашев появился достаточно быстро – шлёпая одной ногой в домашнем тапочке и стуча другой, деревянной. Он был в одной лишь белой рубаше почти до пят, но выглядел тем не менее внушительно. При виде Безрукова он замер, схватившись за тот же косяк, за который держался с другой стороны проёма Пьер. Второй рукой преподаватель опирался на трость.

– Брысь, в каморке своей закройся, – приказал он кухарке, и женщина пропала, как не было. – Ты. Безруков. Что произошло?

Скырлы, скырлы. Пальцы Цыбашева напряглись добела и впились в крашеное дерево.

– Я прошу убить меня, – сказал Пьер тихо и отчаянно. – Ничего больше – только убейте.

– Кто это сделал? – спросил Натан Ростиславович, напуская на себя грозный вид. – Кто?

– Не могу сказать, – Безруков опустил голову. – Заклят. Прошу, помогите, я не хочу служить ему и не хочу быть вампиром.

Скырлы-скырлы-скырлы... Медведь – липовая нога, берёзовая клюка.

– Входи, – сказал Цыбашев.

– Я не смогу! – приглушённо вскричал Пьер. – Я опасен! Просто один выстрел, одна пуля!

– Я сказал, входи. Не хватало мне ещё истерики от юнца.

– Я опасен.

– Не смейся, Пётр. Я позвал – значит, я могу защититься. Но ты же не хочешь расставаться с жизнью на заплеванной, грязной лестнице? Ты же дворянин, будущий офицер... Ах да, уже нет. Хе-хе!

Пьер понял, что больше преграды нет, когда нечаянно задел рукой побелевшие пальцы Цыбашева, который всё ещё скрёб наличник. Заметив взгляд студента, Натан Ростиславович руку убрал и кивнул в сторону комнат.

– Заходи. Я скоро.

– Вы за охотниками?

– Хм. Нет, за ружьём. Надо же из чего-то тебя пристрелить, верно? – засмеялся Цыбашев и удалился в спальню, оставив Пьера в небольшой уютной комнате.

Это был сразу и кабинет, и гостиная – застеклённые шкафы с книгами, большой глобус на обширном письменном столе в углу, и тут же диван, а над ним, на натянутой шпалере приглушённых болотно-зелёных тонов, коллекция оружия против монстров. Банкетка и пара пуфиков вразнобой, не одного гарнитура с диваном и стульями, круглый стол под гобеленовой скатертью в том же стиле, что и шпалера на стене... В целом хозяин комнаты больше заботился об удобстве, чтобы всё под рукою, а не о стилевом единстве, и это почему-то понравилось Пьеру.

Однако, для чего же он вышел, если на стене висят два ружья, а под ними ещё и мечи в затейливых ножнах, и окованный серебром охотничий рожок? А также явно старинный лук и стрелы в чёрном кожаном колчане...

Пьер не услышал, как вернулся Цыбашев. Он его почуял. Вздрогнул, затравленно обернулся.

Старик держал в руке блюдце с фарфоровой чашкой, наполненной чаем. А из кармана халата, наспех накинутаго поверх ночной рубашки, выпирала какая-то длинная шкатулка с замысловатой резьбой.

– Ты себя в зеркале видел? – хмыкнул Цыбашев, ставя чай на круглый стол.

Пьер панически огляделся, но зеркала нигде не нашёл.

– И не увидишь, хехе, – хихикнул монстролог. – Ладно, не горюй. Я вижу, что тебя неправильно обратили, так что не всё потеряно. Дай-ка руку.

– Я опасен, сударь, – пролепетал несчастный Безруков.

– А ты глупец, сударь. Это я для тебя опасен, а ты – просто беспомощный, ещё пока даже беззубый щенок. Дай руку.

Пьер протянул руку, сам удивившись её тонкости и бледности.

– Истощение, – констатировал Натан Ростиславович. – Погоди-ка.

Он, даже не утруждаясь тем, чтобы присесть за стол, махом отпил половину содержимого чашки и довольно крикнул, после чего скинул халат и задрал на левой руке рукав рубашки. Затем сделал что-то совсем уж странное: кручёным пояском халата затянул руку выше локтя и, достав из шкатулки ланцет, вскрыл себе вену на сгибе. После чего стремительно выхватил

из той же шкатулки металлическую трубочку с заострённым концом, воткнул в рану и кивнул Пьеру:

– Пей.

– Я не... Я не могу!

– Можешь. Иначе сдохнешь. И извини, но когда я скажу хватит, а ты не подчинишься, мне придётся сделать тебе больно.

Пьер с трудом сглотнул. Из трубки показалась кровь, и голова у него пошла кругом, словно он изголодался, а ему предлагали невиданное яство: утиную ножку или пирогов, от которых идёт волшебный дух уюта и сытости. Аж повело от голода. Пошатнувшись, молодой человек нагнулся и обхватил трубку губами. И втянул в себя чужую, тёплую кровь, чуть не поперхнувшись первым глотком.

Это было ужасно, это было страшно, тошнотворно и восхитительно. Он, кажется, всё-таки потерял человеческое лицо, когда, захлёбываясь, плакал, не в силах прервать свой чудовищный ужин.

– Ну, будет, будет, – приговаривал при этом Цыбашев. – Это ещё не конец, мы ещё поборемся.

И добавил, будто бы про себя:

– В прошлый раз не вышло. Может быть, уж теперь...

Пьер прервал свою кровавую трапезу и не отказался от протянутой салфетки, чтобы промокнуть губы. Цыбашев допил свой чай и задумчиво крякнул.

– Поможешь перевязать? – спросил он у студента. – Или погоди-ка, ты же свежий... Попробуй-ка положить руку на рану и затянуть её.

– 3-затянуть? – поразился предложению Безруков.

– Вас ещё на первом курсе учили. Учили же? У новообращённых вампиров, случается, что ещё работает магия. Правда, я слышал, что некоторые способности сохраняются надолго. Чему удивляться, если ты сможешь исцелить меня? Во всяком случае, попытка не пытка.

Пьер осторожно коснулся небольшой ранки пальцами. Кожа Цыбашева была чуть дрябловатой, но мышцы под нею оставались вполне крепкими. А вены выпуклыми. Но сейчас мысль о кровеносных сосудах уже не тревожила Безрукова: он насытился. Поэтому смотрел на рану спокойно, наблюдал, как по одному только его желанию её края затягиваются.

Цыбашев со вздохом откинулся на спинку стула.

– Устал. Прости, – сказал он спокойно. – Я, видишь ли, проделывал такие штуки в двенадцатом году, а ныне уже не так молод. Теперь давай приступим к другим твоим проблемам.

– Я не могу рассказать, – свесил голову Пьер.

– Пффф, опять это «не могу», – сказал преподаватель. – Невозможного нет! Давай-ка проверим, насколько ты не можешь... Да сядь ты куда-нибудь, что стоишь вопросительным знаком?

– Наверное, это потому, что у меня много вопросов, – сказал Безруков.

– О! Ирония, – удовлетворённо сказал Цыбашев. – Погоди-ка, налью себе ещё стаканчик на сон грядущий, а пока отвечай.

Он отошёл к одному из стеллажей, начал там копать, и скоро туго бумкнула пробка, звякнуло стекло о стекло.

– Сок виноградной лозы, – садясь с бокалом в руке за стол, оповестил Натан Ростиславович, – и гранатовых плодов. Любовное зелье, произведение искусства, вдохновлённое Бахусом и Амуром. Твоё здоровье, ученик. Итак, начнём. Можно отвечать да или нет, можно кивать. Ну, а если совсем не сможешь дать ответа, даже моргнуть – это будет всего-навсего означать, что мы на правильном пути.

– Так просто? – обрадовался Пьер.

– Тю, просто! В Лучезарске десятки тысяч людей. Этот человек живёт в Лучезарске?

– Да, – Безруков с некоторым затруднением сумел кивнуть.

– Но это не какой-то случайный человек, – продолжил Цыбашев. – Зачем какому-нибудь мастеровому или мелкому чиновнику вампир? Правда ведь?

– Низачем, – подтвердил Пьер.

– Допустим, что сделать такое с тобою мог не всякий, но и магов тут достаточно. Особенно если считать тех, кто ещё только учится или собирается поступать в магические академии... Ага, вот ты и вострепнулся. Так он студент?

Пьер не сумел ответить. Никак не мог ни кивнуть, ни моргнуть: вопрос оказался слишком наводящим. Монстролог насторожился и потёр рукой об руку.

– Горячо! Кто-то из твоих однокашников, да? И, полагаю, из тех, кто учится не хуже тебя или даже лучше. Прости, Безруков, однако ты сообразительный, усердный, но не самый мой лучший студент, – принялся рассуждать Цыбашев.

– А кто лучший? Уж не Карповский ли? – спросил Пьер, внезапно обидевшись: разве не он всегда с таким вниманием слушал лекции Цыбашева, не он отвечал почти на все вопросы?

– Ну не Карповский точно, а вот его закадычный товарищ Арсенин действительно лучший во всём, – радостно сказал Цыбашев. – И кстати! Не далее, как прошедшим вечером я разговаривал с его отцом, он был обеспокоен какой-то дуэлью, после которой господин Арсенин-младший приехал и заперся в своей комнате, ни с кем не разговаривая. Кажется, был чем-то потрясён. Постой-постой...

Пьер сидел буквально ни жив, ни мёртв.

– Это и в самом деле было легко, – признал Натан Ростиславович, отхлёбывая изрядный глоток «виноградного сока». – Однако Дмитрий Васильевич – учредитель ордена Охотников и один из создателей нашего факультета при Российской Академии магии. Необходимо как следует поразмыслить над тем, как наказать преступников. Инквизиторский суд?

Безруков поёжился.

– Но что будет со мной? – спросил он.

– Ты же хотел умереть? – пожав плечами, сказал Цыбашев. – После того, как негодяев упекут за решётку или казнят, плод их опытов должен будет пройти через полное уничтожение.

– Лучше убейте меня сейчас, – вырвалось у Пьера.

– Крайние меры прибережём на крайний случай, – ответил ему монстролог. – Но как по мне, лучше уж довести дело до конца и не дать этим двоим продолжить эти их опыты. Разве ты так не считаешь? Представь, что будет, если они, оставшись безнаказанными, найдут ещё одну жертву? И ещё? И ещё?

С каждым повтором он ударял пальцами по столу, и ногти неприятно стучали о столешницу. И с каждым словом словно менялся Натан Ростиславович, приобретая грозные и суровые черты старого, но всё ещё воина, уже в зрелом возрасте прошедшего сквозь войну и плен, и бог ведает какие другие лишения. А теперь вновь оказавшегося на войне, которой нет конца.

– Так повремени же со смертью, хоть жизнь и приносит тебе мучения. Пусть отрастут у тебя зубы и когти, пусть ты будешь алкать крови, но ты должен добиться, чтобы Карповский и Арсенин заплатили за своё злодеяние. Понял?

Пьер кивнул.

– Да, Натан Ростиславович, вполне понял, – сказал он с усилием. – Но прошу надеть на меня цепи и запереть меня в подвале, чтобы я... Никому не навредил.

– Ну что ж, это я могу, – сказал преподаватель. – погоди, оденусь да подберу тебе что-нибудь приличное, а потом поедем.

– Куда?

– На кафедру монстрологии, – сказал Цыбашев. – Где ещё тебя можно содержать с удобствами? О, и захвачу для твоего образования пару занимательных книжечек, чтобы не скучно было.

Так, ещё до восхода солнца, Пьер оказался в подвале академии, где ранее учился два года. С канделябром, запасом свеч и книгами. В занавешенный ветошью продух сочился сырой воздух, но не попадал дневной свет, и казалось, что молодой человек сидит в заточении, хоть и не в цепях.

Но он жил. Если, конечно, это можно было ещё считать жизнью.

ГЛАВА 6. Дина Зорина

Советник Рудольф Ромуальдович Майский был человеком «старой закалки», и для своих пятидесяти лет сохранился плоховато, хоть и был довольно-таки подвижен, энергичен и бодр. Однако волосы его и в особенности жидковатые бакенбарды имели тот самый нередкий для курильщиков табачно-желтый оттенок седины, который принято считать «старческим». Под бледными выпуклыми глазами висели набрякшие мешки, морщины на лице казались глубокими бороздами, а уголки тонкогубого рта давным-давно оттянулись книзу, словно улыбка наоборот.

Иногда Дине казалось, что ему не пятьдесят, а все семьдесят. Ходили слухи, что такова цена перерасхода магической энергии в боях и поединках, но Зорина (как и многие в магическом приказе) полагали, что дело не обошлось и без более простых вещей. Таких, как табак и горькая настойка, непременно выпиваемая действительным статским советником перед каждым приёмом еды, а потом ещё во время и после оной.

Худощавый, суетливо-подвижный, Рудольф Ромуальдович был требователен к другим постоянно, а к себе лишь время от времени. Но так как Зорина вышла из-под его юрисдикции, она в самом деле не понимала, зачем он сегодня решил с нею встретиться.

– Итак, Дина Владимировна Зорина, – сказал он, – не могу сказать, что рад встрече с вами, но сделаем вид, что мы хорошие знакомые. Улыбайтесь и делайте вид, что мы просто друзья.

– Даже под прицелом не буду я изображать приязнь к вам, – запальчиво сказала Дина.

– Ох, эта юность, которую я уже почти и не помню, – улыбнулся Майский как ни в чём не бывало. – Мы с вами и так под прицелом, только не ружейным, а магическим.

Дина огляделась, но ничего подозрительного вокруг не заметила. Никто не сидел на дереве с подозрительной трубой, не прятался за статуями нимф и сказочных персонажей, которых тут было в избытке. Даже просто не торчал из кустов и не сидел на скамейке напротив, прикрываясь газетой. Никаких подозрительных людей! Две миловидные дамы гуляли с пушистыми карликовыми шпицами, велосипедист дудел клаксоном, чтобы ни на кого не наехать, а за ним бежали мальчишки в гимназической форме... Никого, даже мало-мальски похожего на мага в засаде, Зорина не видела.

– Допустим, вы хотите поговорить, – сказала она. – И допустим, за вами следят. Тогда почему бы не пригласить меня в ваш кабинет?

– Потому что тому будут свидетели совсем иного толка, чем простые прохожие. У меня есть подозрение, что в магическом приказе нечисто.

– Вот как! – вырвалось у Дины. – Ну что ж, в таком случае хорошо, что вы меня оттуда выгнали.

– Очень хорошо, потому что ты, Дина, оказались вне круга моих подозрений.

Ага, то есть эти подозрения у Майского появились только-только, в течение буквально ближайших пары суток.

Тем временем Рудольф Ромуальдович потрепал Дину по руке, улыбнулся и предложил:

– Давайте делать вид, что мы просто болтаем. Каково тебе, кстати, служить вместе с лапотниками?

– Не такие уж они лапотники, – буркнула Дина, – вообще-то городской должен быть грамотен, сообразителен и обладать изрядными знаниями о службах в церкви, датах празднеств, гражданских чинах и военных званиях...

– В самом деле? И вы, Дина Владимировна, всё это за два дня уже выучили? Но я, конечно же, говорю не о грамотности и уме, а о происхождении. Магом может стать лишь дворянин, да не абы какой, а потомственный.

– Магом может быть любой, просто простых людей до получения образования никто не допускает, вот и становятся они разве что знахарями или повитухами! Либо в монастыри уходят, – отрезала Зорина.

– Да ты революционерка, – усмехнулся Майский. – Не боишься?

– Не больше, чем боитесь вы.

– Чего же мне бояться? – деланно изумился Рудольф Ромуальдович.

– Магического прицела, о котором вы только что упомянули, – ответила Зорина и вот тут улыбнулась, но не дружески, а злорадно.

– Ты дерзкая девчонка, – слегка скис и поубавил пафоса Майский. – Ладно, к делу. Тем более, газета у тебя в руках и объяснять много не придётся. Будет совместная операция – все ведомства в деле, и магический приказ, и инквизиторы, и даже самые обычные жандармы. Слушай...

Дине не слишком улыбалось участвовать в каком-то общем деле, если в нём будет задействован магический приказ. Но какой у неё был выбор? Её же и в самом деле не увольняли, а перевели на совместную службу с городовыми. И подчинялась она в большей степени вот этому худощавому старцу! Она приготовилась слушать, даже немного подалась вбок, чтобы Майскому удобнее было говорить, а он вдруг навалился на неё всем телом.

От возмущения и растерянности девушка оттолкнула советника. И лишь когда он упал со скамейки, поняла, что дело-то нечисто. Вскочила на ноги, роняя на мостовую газету, наклонилась над телом Рудольфа Ромуальдовича и с ужасом осознала, что он мёртв. А вокруг, как назло, никого. Велосипедист, дамы с собачками, мальчишки, пожилые супруги – все проехали и прошли мимо, и эта часть парка казалась удручающе пустой. Сквозь кружевные кусты вдоль дорожек, ещё только-только выпустивших из почек зачатки листы, просматривалась соседняя дорожка. Но и там разве что прогуливались две благообразные старушки, больше ни души. С другой стороны публика прохаживалась возле небольшого пруда, однако он был довольно-таки далеко.

– Убийство! – схватившись за бляху магтора, пришпиленную к суконному жакету, вскричала Дина. – Магический городской Зорина, срочно мага ко мне! Городской парк на Весенней, скамейка возле статуи Несмеяны!

А потом дрожащими пальцами вытащила из кармана свисток и стала отчаянно дуть в него, призывая на помощь городского или хоть кого-нибудь, кто оказался бы рядом и помог.

Только потом она подумала, что если был «магический прицел», то должен был остаться и какой-никакой магический след. И стала оглядываться кругом уже пристальнее. От мертвеца тянуло остаточной энергией, видимо, Майский использовал отводящие чары. Во всяком случае, он не просто опасался слежки, навешал на себя различных заклятий, которые, увы, ему не помогли. Зато мешали Дине подхватить свежий след чужака, напавшего на советника.

Эх, пробежаться бы по округе! Но отходить от тела она побоялась. Должен был появиться и маг, и следователь, поэтому мертвеца надлежало сохранить в неприкосновенности. Между тем рядом уже стали появляться не только зеваки, но и журналисты, и даже человек с фотоаппаратом спешил подняться от пруда, где он делал снимки хороших барышень «на долгую память».

Избавиться от такого зла Дине было бы не под силу, и она решилась на хитрость.

– Здравствуйте, гражданин фотограф! Ваше имя? Дмитрий Мартинсон... Очень хорошо, я записала. Салон по какому адресу? Отлично. Вот сюда ваш аппарат, пожалуйста, поставьте, и сделайте снимок. А лёжа вы можете фотографировать? – затараторила она.

– Вы в своём уме? – опешил от такого напора фотограф. – Как это я буду лёжа?

Но Зорина ткнула ему под нос маггорскую бляху. Её она носила с собой даже будучи в гражданском – на всякий случай. Вот случай и предоставился!

– Не оказывайте сопротивление следствию, – во весь голос рявкнула она. – Надо лечь возле трупа и сфотографировать его лицо. И всего человека потом тоже с разных сторон.

– Но...

– И побыстрее! – заорала Дина во весь голос, так что голуби, клевавшие крошки возле фонтанчика, испуганно вспорхнули прочь.

– Как можно побыстрее? Столько работы... столько внимания каждому снимку, иначе выйдет размазанно, – начал бормотать Мартинсон. – Что вы понимаете в фотографическом процессе?

– Что другого шанса запечатлеть место событий у меня не будет, – огрызнулась Дина. – Скамейка должна попасть в кадр. И напротив, на той стороне аллеи, кусты тоже на всякий случай щёлкните.

– У меня столько пластинок нет, – взвыл фотограф.

– Врёте. Не пошли бы вы работать в парк, если б у вас хотя бы штук десять их не было, – отрезала Дина.

Пока Мартинсон ворчал, да пока менял пластинки, становился на колени, чтобы сделать фотографию (без треноги небось всё равно размытая чепуха получится, но Дина надеялась на лучшее) – подошли, наконец, и маги. Увидев тело своего начальника, один из них, тут же схватил Дину за плечи и принялся кричать:

– Что ты с ним учудила, Зорина?!

Это был помощник советника, Кирилл Одинцов – Дина знала его не очень хорошо, редко пересекались по службе. Он не любил носить форму, да это и не было обязательным условием для тех, кто служил в магическом приказе. И сейчас на месте гибели Майского появился – фронт фронт, в полосатых брюках, серой визитке и в длинном светло-сером пальто нараспашку. Белоснежные перчатки, белые гамашы, шёлковое белое кашне, светлые волосы – в общем, Одинцов как будто даже светился, как яйцо перед крашением или кулич с сахарной помадкой. Вот только злые глаза и испуганно-сердитое лицо казались на этом светлом фоне чуждыми.

– Да ничего я не чудила! Хотелось бы сказать, что он так и лежал, но нет. Пришёл поговорить, потом упал, – ответила Зорина с досадой.

Одинцов приотпустил ворот Дининого жакета, но взгляд его оставался жёстким и цепким.

– Зачем встречался? – спросил маг. – Что хотел?

– Да не знаю я, – уже спокойнее ответила девушка. – Начал издали, сказал, что за ним следят и он на прицеле, а потом заговорил о какой-то совместной операции.

Одинцов нервно огляделся.

– Это было здесь?

– Вот на этой скамейке, – ответила Дина.

– У меня пластинки кончились. Разрешите идти, – заныл фотограф Мартинсон.

– Адрес мне запиши, – отрывисто приказал Одинцов.

Вместо ответа фотограф вытащил две визитные карточки, одну дал Дине, другую магу.

– Можете идти, – сказала девушка. – И знаете, напечатайте даже самые неудачные фотографии!

– Кто мне заплатит? – всплеснул руками фотограф.

У Дины денег при себе было не так уж много, но она протянула ему рубль с мелочью. Мартинсон скривился, однако Одинцов щедро добавил банкноту в десять рублей.

– Вижу, тебе хорошо на новой службе, – не упустил он шанса поддеть сослуживицу.

– Как будто где-то жалование за два дня спешат выплатить, – вздохнула Дина.

Денежный вопрос у неё был не столько острым, сколько унижительным. Чтобы уплатить за съёмное жильё и не умереть с голоду, жалования хватало. И на одежду кое-какую оставалось. Но любая незапланированная трата здорово аукалась! Потому что приходилось идти на поклон к родителям или деду, а они никогда не забывали ей напомнить... всякое.

Но всякий маг, родившийся в добропорядочном дворянском семействе, в шестнадцать лет был обязан встать на учёт, пройти проверку и, если его дар был достаточно стабилен и силен, отправиться учиться в магическую академию на выбор. И если до определённой поры барышень это не касалось, то после Магической кампании сорок девятого года, получившей прозвание Бумажного конфликта, всё поменялось. Во всех магических академиях и во всех университетах, где могли быть магические кафедры, появились женские факультеты.

Другое дело, что барышни-маги всё-таки чаще шли получать какие-нибудь более женственные специальности. Военная или полицейская служба привлекала не так уж много девушек. В инквизиторскую же по-прежнему никого не брали вовсе. И когда Дина Зорина решила выучиться на магдетектива, её попросту не восприняли всерьёз. Да и по сей день, получается, не воспринимали.

А работай она магдетективом, заткнула бы сейчас за пояс и вредного Одинцова, и его иронично помалкивавшего товарища.

Впрочем, они и так уже забыли о Дининых невзгодах и принялись осматривать тело Майского. Зорина же и обыкновенный городской следили за порядком, ходили вокруг да около, отгоняя зевак да посвистывая в свистки. Но в голове Дина прокручивала детали. Кто проходил мимо? Шевелились ли кусты напротив скамейки? Не стоял ли кто-то возле дерева поодаль? Если и был тот магический прицел, а о таком способе наблюдения Зорина никогда раньше не слышала – то была ли в этом случае и магическая винтовка? И тогда насколько она дальноточная? А разговор? Майский советовал делать вид, что у них дружеская беседа, но не особо старался понижать голос, то есть подслушать таким способом было невозможно. Значит, не стоит делать ни поправок на ветер, который мог относить звуки в сторону, ни на какие-то ещё помехи, а сосредоточиться только на визуальном наблюдении.

Читал ли этот маг по губам? Надо ли ему было сосредоточиться? Стоял ли он неподвижно или мог прохаживаться туда-сюда? Откуда ему было бы удобно следить за Майским?

– Что головой крутите, барышня? – спросил городской.

– Думаю, – сказала Дина. – Вот была бы у тебя винтовка Финдлера, такая, знаешь, с оптическим прицелом. И хотел бы ты подстрелить какого-нибудь негодяя на вот этой скамейке... Где бы ты засел? На дереве?

– Зачем на дереве? Далёко эта винтовка бьёт, что ли? Небось можно было бы вон на той потешной башне засесть. А подальше, на углу Весенней и Антоновского проспекта, каланча... Правда сказать, оттуда ни одно ружьё не дострелит.

– Каланча, – кивнула Дина, вытягивая шею и вставая на носочки. – Каланча – это очень даже может быть.

– Так не дострелит же, – напомнил городской.

– А ты видел на теле стреляную рану? – резонно спросила Дина. – Нет?

– Но тогда как?

Тут к ним подошли оба мага. Один надевал перчатки. Другой снимал – испачканные в пыли и земле.

– Магический след размыт, ничего установить пока не получается, – подцепив Дину за локоть и отведя на пару шагов от городского, поведал Одинцов. – Причина гибели – удар.

– Какой удар? Куда удар? – насторожилась Дина.

– Мозговое кровоизлияние, – возведя глаза к небу от её непонятливости, сказал Одинцов. – Зорина, сосредоточься на главном. Это несчастный случай. Если маг поблизости и крутился, всё произошло без него. Признавайся, ты его довела? Он и так от тебя всегда приходил в бешенство. Ты была его главным раздражителем.

– Можете снять показания в присутствии инквизитора, они не дадут соврать даже самым завзятым жуликам, – бесстрашно заявила Дина. – Сначала господин советник спрашивал, как мне работается на новом месте, с лапотниками, как он изволил выразиться. Затем хотел что-то сообщить насчёт совместной работы всех ведомств. Больше ничего. Он не злился, ну, во всяком случае не больше, чем обычно. Скорее ёрничал и немного кого-то опасался. Понимаешь?

Маг прищурился.

– Я-то тебе верю, Дина, – сказал он уже совсем другим тоном. – Главное, чтобы другие тоже поверили. А что ты знаешь про это дело? Что за совместная работа?

Дина уже почти ответила, но вовремя вспомнила слова Майского о том, что он кого-то в их отделе подозревает. То есть и Одинцов может быть таким подозреваемым, и кто угодно.

Поэтому она только пожала плечами и сказала, что ничего не знает. В самом деле, даже инквизиторы не допытаются, ведь Рудольф Ромуальдович действительно не успел ничего сказать. Разве что намекнул про газету.

Придётся купить её ещё раз, поскольку эту уже кто-то сунул в мусорную урну возле скамейки. Дина уточнила, свободна ли она, и спустя какое-то время покинула место событий.

На выходе из парка она отдала мальчишке-газетчику пятак за две газеты и поспешила домой.

ГЛАВА 7. Пьер Безруков, 1890 год (60 лет спустя)

Свечному пламени на смену пришли керосиновые лампы. Которые сменились на газовые светильники. Спасибо и матери с отцом, успевшим закрепить за своим чадом этот дом, и дядюшке, сумевшему оставить племяннику как жильё, так и небольшой капитал, и, конечно, доброму знакомому инженеру Ланге: без него в эту часть города трубы для газового освещения до сих пор бы не провели.

Если бы не одно досадное обстоятельство, нынешняя жизнь судебного следователя Пьера Безрукова была бы вполне сносной. Увы, как раз это обстоятельство пока преодолеть и не удалось: Арсенин был казнён и не оставил после себя наследников. Пьер не любил об этом вспоминать и говорить, так как значительная часть прожитых им лет была наполнена мучениями. Но потихоньку писал мемуары, в которых излагал свою историю. Не потому, что это могло быть кому-нибудь действительно интересно. А просто из-за скуки, одолевавшей его днём при закрытых окнах и дверях, не впускавших в дом ни единого солнечного луча или хотя бы луча надежды.

Тридцатого апреля девяностого года, поздним вечером, к Безрукову прислали курьера с письмом. Пьер вооружился костяным стилетом, тонким и узким. Он любил открывать конверты медленно, с чувством, с толком, с расстановкой. Да и куда ему было сейчас торопиться?

– Пётр Николаевич, не спите? – тихонько спросил застенчивый ассистент. – Приехал господин Одинцов.

– Какой ещё Одинцов? – недовольно спросил Безруков, неохотно отрываясь от вскрытия.

– Из магического приказа. Говорит, что дело серьёзное, иначе дождался бы приёмных часов.

– Ну, проси, – сказал Пьер.

Среднего роста худощавый блондин был ему смутно знаком. Видел, наверное, пару раз на каких-нибудь встречах со следователями-магами. Сейчас их звали по-новомодному: магде-

тективами. А куда уж проще было – следователь, да и всё. Ну, или дознавец, смотря чем ещё занимается сердешный.

– Доброй ночи, господин Безруков, – слегка кашлянув, произнёс этот Одинцов. – Меня зовут Кирилл Сергеевич... В магическом приказе нынче беда. Прошу вас помочь в деле расследования гибели советника Майского.

– Майский Жук погиб? – опешил Пьер.

– Простите?

– Ну, прозвище у него такое... было. Да полноте, вам ли не знать?

– Не имею понятия, – пожал плечами, ответил Одинцов. – У нас его называли высокоблагородием.

В голосе магдетектива прозвучал какой-то намёк – не иначе как на то, чтобы Пьер относился к имени покойного с должным почтением. Но почитать склочного, высокомерного и без нужды ядовитого старика Безрукову не хотелось. Ему, пожалуй, немного хотелось развлечься, и только.

Значит, Майского убили. Интересно, а при чём тут инквизиторский приказ?

– Думаю, у вас есть вопросы. Задавайте, – снисходительно проговорил Одинцов.

– Да? Можно? – усмехнулся Пьер.

– Извольте.

– Хотите чаю? Или чего-нибудь покрепче? – начал Безруков. – А, да, и когда похороны?

– Да вы издеваетесь! – Кирилл Сергеевич так и налился кровью.

Ах, есть своя прелесть в таких блондинистых молодчиках: кожа у них тонкая, кровь так и бросается в лицо. Пьер постучал пальцами по столу, и Одинцов тут же скосил глаза на костяной кинжал.

– Всё-таки прикажу подать чай, – сказал Пьер добродушно и брякнул колокольчиком, призывая горничную.

– А сами что же? Тоже чаю отведаете? – полюбопытствовал Одинцов.

– К сожалению, не могу-с, у меня строгая диета, – улыбнулся Пьер. – Вот выйду прогуляться, тогда и отведаю. Только не чаю. Так что у вас ко мне за дело? Почему другие следователи, по-вашему, не смогут справиться?

– Потому что только у вас есть, кхм, выдающиеся способности. И ещё потому, что... тут оказалась замешана одна особа, к которой не хотелось бы применять пытки, – деликатно покашливая, сообщил Одинцов.

– Ммм, барышня? – догадался Пьер. – Ваш амурный интерес?

– Отнюдь, интересов у меня к ней нет, а скорее служебный долг, – покачал головой Кирилл Сергеевич и слегка поморщился, словно сама мысль об амурах с этой «особой» вызывала в нём неприятие. – Однако не вижу причин портить девице её и без того непростую жизнь.

– И что же, вы не можете просто так взять и спросить у неё, что она там делала и зачем убила Жука? – иронично спросил Пьер.

Хотя понятно же было, что девица, по-видимому, даже простого жука на месте преступления не убивала, а просто случайно оказалась не в том месте и не в то время. Впрочем, надо отдать должное магдетективам: они не доверяли подобным совпадениям и хотели проверить. И что способ выбрали достаточно экзотичный, тоже вполне понятно, не хотят зря бросать на свой отдел зловещую тень. На отдел и на некую барышню.

Волей-неволей Пьер почувствовал к Одинцову некую симпатию. Он, похоже, в самом деле не желал проблем сослуживице, пусть и, судя по всему, недолго любил её. Правда, это могло быть и тонкой игрой. Далеко не всегда чутьё вампира оправдывало себя, хоть о нём и слагали легенды. Следовало понаблюдать за магом. По опыту: среди них водились весьма скользкие типы, настолько филигранно играющие словами, что сложно было отличить правду от лжи.

– Так значит, вместо пыток вы хотите припугнуть девицу вампиром? – уточнил Пьер небрежно, и слегка постучал пальцами по столу, за которым сидел.

Дробный, негромкий звук привлёк взор Одинцова к гладким, аккуратным ногтям – чуть длинноватым для мужских, искусно заострённых при помощи пилочки. Это было не франтовством, но средством эпатажа. Пьер знал, что у него бледное лицо, красные глаза – их неоднократно описывали ему знакомые, сам себя он в зеркале не видел. Но клыки и ногти у него имелись лишь самые обычные, поэтому для устрашения он нарастил и первые, и вторые, чтобы невзначай улыбаться зловещим оскалом или вот так мило постукивать по столу.

– У неё есть некоторый опыт в ликвидации опасных тварей, хоть и не вашего уровня, – Одинцов сказал это с долей иронии и тут же посмотрел на Безрукова, явно желая убедиться, как тот отреагирует на «тварей».

Что ж, он зарабатывал себе всё больше очков, этот белокурый молодой человек. Пьер любил бесстрашие и ценил дерзость. Да и вообще Одинцов производил впечатление человека интересного, хотя и порой забавного.

– Продолжайте.

– Она должна дать показания. Вы лучше всех отличаете правду от лжи и чуете запах тревоги. Кроме того, я слышал о вас только хорошее, да и потом – разве будет вампир сотрудничать с инквизиторами, не будь у него чётких представлений о добре и зле? Ваш кодекс чести известен далеко за пределами приказа. И, смею полагать, даже за границами Лучезарска.

– Ну, вы ещё про границы Российской империи скажите, – добродушно усмехнулся Пьер. – Что ж, довольно лестно. Что-то ещё вы хотите от своей сослуживицы, не так ли?

– Хочу. Майский что-то сказал ей перед смертью. Вернее, собирался сказать. Есть основания полагать, что в магическом приказе беспокойно, как и в стране.

– Ну ещё бы, как всегда перед перерождением государя, – кивнул Безруков уже без улыбки. – Вы, случайно, не привели эту милую особу с собой?

– Нет, пока её никто не трогал и ещё не допрашивал, – сказал Одинцов. – Понимаете, господин Безруков, она...

– Что ж, вы можете привести барышню завтра, когда начнутся приёмные часы. И лучше не предупреждать её о том, кто я есть, – спокойно перебил Кирилл Сергеевича Пьер. – Просто скажите, что ради её – я не знаю, чего, ради её безопасности, спокойствия, репутации, карьеры, – ради неё самой вы отведёте её к судебному следователю, вот и всё. Поскольку она маг, а смерть Майского – дело серьёзное, то это самое следствие будет вести инквизиция. И на этом всё.

– Я понял, – кивнул Одинцов. – И вот ещё что. Официально это был несчастный случай. Кровоизлияние в мозг.

– Но вы как маг проверили, что кровоизлияние это вызвано... – Пьер сделал глубокую, словно бездна, паузу.

– Магическими причинами, – закончил Кирилл Сергеевич. – Следы магического присутствия были слабыми, к тому же помехи от других заклинаний и артефактов, вы же понимаете, на нас всех по несколько слоёв защиты...

– На мне из защиты лишь одежда, да и то она скорее защищает взоры других от неприличного зрелища, – поведал Безруков. – Я жду вашу сослуживицу в восемь часов утра в здании губернского суда, в своём кабинете. Засим... вы свободны, господин Одинцов. Мне надо собираться, чтобы доехать до суда в темноте.

– Неужели до сих пор никто не придумал защиты от солнечного света? – вырвалось у Кирилла Сергеевича.

Пьер посмотрел безразлично, пожал плечами.

– Давно установлено, что нет, – сказал он.

– И вы умрёте от него, если будете достаточно долго находиться под солнцем? – уточнил Одинцов с наивным любопытством.

– Хотите проверить? – спросил Пьер. – Вряд ли получится.

– Нет, что вы, – смутился Кирилл Сергеевич. – Я просто поинтересоваться. И ещё... вот в Аврории или в Заводске, да и везде севернее, там белые ночи...

– Праздное любопытство без желания раздобыть нужную информацию для человека, верой и правдой служащего своему государству – слишком большая роскошь, – сказал Пьер.

– До встречи, господин Одинцов. Жду вас и вашу протезе.

– Зорина не протезе! – воскликнул Одинцов.

– Красивая фамилия, – протянул Пьер, – солнечная.

Прежде чем оказаться в здании суда, Безруков прошёлся по ночному городу, любуясь рекою Ольжей, её рукавами-каналами в каменных мундирах набережных, далёким кремлём о девяти белых «сахарных» башнях и луковками церквей, коих по Лучезарску было понастроено великое множество.

Но не только полюбоваться вышел он из своего убежища. Вот уже неделю Пьер не кормился как следует, и теперь направлялся туда, где мог безнаказанно испить крови, не отчитываясь при этом перед строгим начальством в каждой глотке. Совесть почти не мучала его за такие вольности. А инквизиторский приказ вообще вряд ли хоть чем-нибудь мучился, нанимая на службу Безрукова полсотни лет назад. Им был нужен подобный специалист, а Пьеру позарез требовалась официальная служба со всем остальным. Это включало возможность жить дальше, не будучи учебным пособием, занимаясь при этом полезным делом и не прячась, не скрываясь, не таясь.

О десяти годах плотного сотрудничества с факультетом монстрологии Пьер предпочитал вообще не вспоминать, хотя и накатывало порой это мутное, тошнотное. Пока жив был старик Цыбашев, Безрукова что-то держало при академии, но его смерть всё изменила.

После неё Пьер бы и сам умер или хотя бы запил, но эти простые радости смертных были ему недоступны. Поэтому, понимая, что больше в академии его ничего не держит, даже научный интерес, который сошёл на нет, он ушёл к инквизиторам.

А те, понимая, что вампир при них держится исключительно по доброй воле, делали для него кое-какие поблажки касательно дисциплины. Командор, правда, разок-другой намекнул, чтобы Пьер не злоупотреблял. И он, как законопослушный гражданин, брал от людей лишь самую малость.

За ночь – от трёх-четырёх человек по малости.

Но уж это он делал в своём стиле и не без изящества. Клыки у него со временем отросли, и преострые, но привычка делать своё дело изящно осталась. Сперва ланцет и стальная трубка, затем – изобретение талантливого доктора Вуда, шприц. В этой области Пьер давно следил за новинками, и в этом году через инквизиторский приказ даже заказал себе шприц со стеклянной емкостью вместо каучуковой. Кровь таким образом сохраняла аромат, да и выглядела как-то эстетичней. А Безруков полагал себя эстетом.

Винный погребок с видом на Нарядную, где было оживлённо и весело, несмотря на поздний вечер, манил случайных и неслучайных прохожих. Пьеру несложно было раствориться в толпе. Вот его взгляд и нюх выбрали первую жертву, с ароматом хорошего дорогого вина, и Безруков подхватил под руку споткнувшегося господина в светло-серой визитке и полосатых брюках со штрипками. От него пахло разгулом, устроенным не от избытка радости. Здесь были и отчаяние, и тоска, и болезнь. Пьер слегка улыбнулся такой удаче. Поддержал гуляку за руку, спросил, всё ли в порядке.

– Да! П-простите, – сказал господин, повисая на вампире. – П-пребрал уставши.

– Да ничего, ничего, давайте я отведу вас вон туда, на скамеечку. Воздух с реки освежит вас, – вежливо откликнулся Пьер.

Скамеечка стояла аккурат так, что свет фонарей до неё не доходил. Под видом заботы о гуляке расстегнул на нём пальто, достал шприц и сделал на шее аккуратный прокол. Набрал немного, а затем пальцем взял каплю крови на пробу. Болел гуляка не сильно, но неприятно, тут за деньги не запросто и не вдруг исцелишься. Да и врачи нынче больше калечили, чем лечили: всё у них новомодные процедуры были в ходу, а не то – сомнительные лекарства.

Пьер сначала напился, набирая шприцем крови понемногу, а после подержал господина за руку, посидел немного, да и отпустил. Пьяница словно проснулся от долгого сна, тряхнул головой. Безруков знал, что теперь он чувствует себя посвежевшим, трезвым. Ранка на шее тоже затянулась.

Гуляка так ничего не поймёт. В том и был замысел Пьера, нарочно подбиравшего пьяных в таком состоянии, чтобы память уже плохо работала или не работала вовсе. И к вкусу крови, смешанной с алкоголем, привык, другой, пожалуй, и не помнил. А вот исцелял не всех, а только таких, которые заслуживали. Пожалуй, в последнее время и вовсе никого, кроме этого господина в серой визитке. Лишь избавлял своих кормильцев, или, как Пьер называл их на хранцузский манер, «донатьеров» от крошечного прокола на руке или шее: не оставлять следов даже крошечного преступления научила его достаточно длительная жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.